

Анна Эйч

ВЕЧНОЕ СОЛНЦЕ

Я буду любить тебя в любой
из вселенных...

18+

Анна Эйч

Вечное солнце

<https://litres.ru/74696734>

SelfPub; 2026

Аннотация

Фил уверен: семья Лазурских что-то скрывает. Ради правды он целый год готовится к поступлению в престижный университет Эшфорд, чтобы оказаться рядом с Евой, сестрой своей пропавшей девушки.

Его цель проста — втереться в доверие, узнать больше о Кире и наконец выяснить, что же произошло на самом деле. Вот только Ева отчаянно ненавидит Фила и не собирается делиться с ним ни секретами, ни доверием.

Их противостояние быстро превращается в опасную игру, где каждый пытается использовать другого. Но что произойдёт, если за ненавистью начнут проступать чувства? И смогут ли они продолжать эту войну, когда шокирующая правда вскроется?

Содержание

От автора.	4
Глава 1. Снова студент	5
Глава 2. Всё было по-настоящему	26
Глава 3. Любовь зла	33
Глава 4. Игра началась	41
Глава 5. В поиске женщины...	56
Глава 6. Не настоящий друг	63
Глава 7. Соколы на вылете	71
Глава 8. Высший балл	83
Глава 9. Фея-крёстная	97
Глава 10. Пьяная и грязная	108
Глава 11. Больно жить	124
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Вечное солнце

От автора.

Данная книга является второй частью трилогии «Солнца».

Первая книга называется [«Одно солнце»](#).

Приятного прочтения, дорогие! Жду вас у себя в блоге в любой удобной для вас соц.сети под ником [@writer anna h](#) для обсуждения и визуального знакомства с героями и атмосферой книги.

Глава 1. Снова студент

Фил. Год спустя.

Холодный воздух Дарема напоминает мне, что лето закончилось. Оттягиваю лацканы пальто, вытягиваю рукава и хватаюсь за ручку чемодана. Колёсики противно начинают бить по брусчатке. Вот тебе и элитный британский университет: содержать целый город у них деньги есть, а выложить нормальный асфальт, видимо, нет.

Университет Эшфорд (Ashford) встречает меня аллеями с лавочками и низко подстриженными кустами, впереди вижу огромную зелёную лужайку, на которой кучками рассыпались студенты.

— Эта песня хороша, начинай сначала... — вздыхаю, оглядывая кампус.

Это уже мой третий университет, и на этот раз я планирую его закончить, как бы тяжело мне ни было. К счастью, я уже испытал все прелести студенчества, и единственное, чего не пробовал, — это по-человечески учиться.

— Самое время стать зубрилой, Филатов, — ободряюще говорю сам себе, и ступаю на низко подстриженный газон.

Слева тянется старое здание колледжа с высокими арочными окнами и плющом по каменным стенам, справа — современный стеклянный корпус школы AI и поведенческих наук. Дальше виднеется часовня, похожая на декорацию к

фильму про привидения и несколько аккуратных residence halls — жилых корпусов, на языке оригинала звучит красиво, будто у каждого здания здесь есть своя родословная, но по факту это обычное общежитие.

Иду по направлению ко входу в холл резиденции, мимо девушек-чирлидерш, репетирующих трюки для университетской команды по футболу.

— Five, six, seven, eight! Jump! One, two. Hold it! Hold! ¹— командует кто-то с поля.

Я бы не обратил на них внимания, если бы не знакомый голос, который никак не ожидал услышать в подобном амплуа.

— Ryan, how many times do I have to tell you? Lift me by the thigh, not by my arse. If you're trying to grope me, at least wash your hands first!²

Ева Лазурская, одетая в откровенную форму чирлидерши, отчитывает здорового парня, который выше её на две головы.

— Eva, are you serious? Again?³— психует тот.

— Да потому что мы всю тренировку репетируем элементарную поддержку! — Лазурская нервно хватает спортивную сумку с поля и отворачивается от команды. — Трени-

¹ Пять, шесть, семь, восемь! Прыгай! Раз, два. Стой! Стой!

² Дом, сколько раз тебе повторять? Возьми меня за бедра, а не за задницу. Если ты пытаешься меня облапать, то хотя бы сначала вымой руки!

³ Ева, ты серьезно? Опять?

ровка окончена!

Ребята устало смотрят ей вслед, но после начинают рассеянно и неспеша собираться. Я стою чуть в стороне и перехватываю Еву по пути ко входу в холл.

— Серьёзно? Чирлидинг?

Мой вопрос заставляет её остановиться и повернуть голову.

— Филатов? — Ева недоверчиво окидывает меня взглядом с ног до головы. — пляжные шорты тебе шли больше.

— Приму за комплимент.

— Это не он, — фыркает она и отвлекается на сумку, чтобы засунуть в неё зелёно-белые помпоны. — Ты что здесь делаешь?

— Теперь учусь, — запускаю руки в карманы, рассматривая знакомую в совершенно непривычном образе.

— В смысле?

— В прямом. Сдал экзамены и попал на академический трек школы AI и поведенческих наук.

— Ты бы никогда не сдал экзамены на поступление в этот университет.

— Как грубо. Считаешь меня глупым?

Ева только мотает головой и отворачивается, собираясь уйти.

— Стой, — я равняюсь с ней. — Вообще-то я думал, мы пообщаемся, и ты проведёшь мне экскурсию, раз уж будем учиться на одном факультете.

— Тебе это ни к чему.

— Почему?

— Вылетишь после первого же теста.

— Ну мне не впервой слышать от людей, что они в меня не верят, — спокойно комментирую я, продолжая идти рядом с Евой.

— Господи, Фил, зачем ты здесь? — закатив глаза, не выдерживает Лазурская и снова останавливается, упираясь в меня пытливым взглядом.

— Хочу изучать профессию будущего.

— Бред! Думаешь, её как-то можно вернуть? Фил, я сожалею о твоей утрате, но пора смириться и жить дальше. Университет тебе в этом никак не поможет! — без всякого чувства такта выливает на меня своё несвязное умозаключение эта гарпия.

В груди неприятно колет от упоминания её. Той, чьё имя нельзя называть в моём присутствии. Но я игнорирую боль, сглатываю и тут же натягиваю маску с ухмылкой безразличия.

— Дело не в этом.

— А в чём? В науку решил податься? Никогда в это не поверю.

— Решил, что хочу быть полезен для общества.

Ева отмахивается и возобновляет движение по направлению к жилому корпусу. Мы идём по зелёной, слегка влажной траве, из-за чего ботинки немного проваливаются, а чемо-

дан и вовсе становится в два раза тяжелее: колёсики тонут в земле и путаются в траве.

— Так почему чирлидинг? — решаю сменить тему, чтобы остудить её недовольство.

Я, к слову, до сих пор не понимаю, за что она так на меня взъелась, но если хочу закончить то, ради чего сюда приехал, мне нужно с ней подружиться.

— Участие в общественной деятельности даёт дополнительные баллы к рейтингу, — фыркает Ева, стягивая повязку со лба. — Женской футбольной команды у нас нет, пришлось идти прыгать с помпонами.

— Так говоришь, будто сделать двойное сальто — это так, раз плюнуть.

— В детстве родители отдали нас с сестрой на спортивную гимнастику. Позже Кира выбрала танцы, а мне это пригодилось в зарабатывании бонусов здесь. Ещё вопросы?

— Выглядит круто, — киваю я, искренне восхищённый её техникой, которую мне удалось увидеть краем глаза.

— Но не так, как у Киры, верно? — бросает она, будто намеренно пытается сделать мне больно.

Я не нахожу, что ответить. Просто смотрю в её карие глаза, которые источают лютую ненависть ко мне. Ох, подружиться с Лазурской-старшей будет сложнее, чем я предполагал.

— Увидимся в классе, — бросает она и скрывается в здании резиденции.

Я смотрю ей вслед и анализирую наш разговор. Ева за пределами острова просто невыносимая. В какой момент она сделала из меня заклятого врага? А самое главное — из-за чего?

Поднимаю голову к небу и с грустью отмечаю, что оно серое и, кажется, вот-вот ливанёт дождь. Ненавижу такую погоду, а здесь, в Дареме, туман, серость и дождь — визитная карточка. Неужели нельзя было построить этот университет где-нибудь в Испании?

— Hi, you must be Vlad?⁴ — тонкий голосок на чистом британском английском слышится за моим плечом.

Я поворачиваю голову и вижу невысокую пухленькую девушку с нелепыми рыжими косичками.

— Sorry, я Вайолет. Вайолет Беннет. Я peer mentor вашего трека, ну... куратор для новых студентов. Мне сказали, что сегодня придёт студент из России, и попросили встретить тебя, передать материалы и всё показать.

Девчонка прижимает учебники к груди и стеснительно переминается с ноги на ногу.

— Приятно познакомиться. Я Влад, но можешь называть меня Фил, — протягиваю ей руку, и она растерянно пожимает её.

— Ты знаком с Евой? — кивает девушка в сторону крыльца, где секунду назад была Лазурская.

— Да, есть у нас общие знакомые. А она всегда такая? —

⁴ Привет, ты, должно быть, Влад?

спрашиваю, имея в виду агрессивную манеру общения Евы.

— О, это тебе ещё повезло, — хихикнув, выпаливает Беннет. — Сейчас она просто фыркает, а раньше была ещё и стервой.

— Что, правда?

— Ага... о чёрт, вы друзья? — она вдруг испуганно прикрывает рот.

— Не беспокойся об этом, — я доброжелательно касаюсь её плеча. — Давай так: я сейчас закину вещи в комнату и угощу тебя кофе, а ты мне расскажешь, кто здесь кто и как всё устроено. Идёт?

Девчонка словно в статую превратилась, смотрит на меня застывшими глазами.

— Эй, ты в порядке?

— Да, просто... ну... вау! — не может вымолвить она, а затем краснеет.

— Не понял. Это значит «да»?

— Подожди, ты что, серьёзно?

Я надышался выхлопными газами, что резко перестал понимать английский или они здесь все такие пришибленные?

— А почему я должен быть несерьёзным?

— Ну такой, как ты, угощает кофе такую, как я... — она нервно жестикулирует, указывая то на меня, то на себя.

— А, — господи, я и забыл, куда приехал. — У вас тут до сих пор классовое неравенство или что?

— Нет, просто ты такой... а я... обычно я невидимка и не

подошла бы никогда в жизни, — она нервно хихикает — но мне нужно передать тебе welcome pack. — она передаёт мне упомянутую плотную папку с лого университета.

— Значит так, мисс Беннет, — перебиваю я её нервный трёп, забирая документы. — Такие как я обычно ведут себя как мудаки, но я уже был в этой роли слишком долго и отныне быть не хочу. Поэтому с этой минуты ты мой лучший друг, и если кто-то обидит, можешь смело жаловаться мне, чтобы я поставил упырей на место.

— Это розыгрыш?

— Нет, это реальность. Давай води меня в корпус для мальчиков, и после проведёшь экскурсию.

Вайолет моргает несколько раз, будто пытается понять, не появится ли сейчас из-за куста съёмочная группа, но всё-таки кивает.

Мы проходим через главный двор, где под арками гуляет сквозняк, минуем стойку у входа, здесь дежурный проверяет пропуска, и после — попадаем в моё общежитие. Вайолет выдаёт мне ключ-карту, временный пропуск, расписание вводных лекций и ссылку на студенческий портал. Я закидываю чемодан в комнату, успеваю оценить простой, но уютный интерьер в лучших традициях сдержанной, но богатой Англии. Вайолет показывает мне учебный корпус, общий зал, прачечную, столовую и наконец ведёт в библиотеку, где, по её словам, находится лучшая кофейня на территории кампуса.

— Итак, здесь у нас библиотека. Я, правда, не знаю, зачем она нужна: все книги давно переведены в электронный формат, но такова академическая традиция — плодить эти горы пыли.

— Ты, смотри, не особо жалуешь традиции?

— Я за оптимизацию, разумное использование ресурсов и против бессмысленного потребления, — мы проходим мимо стеллажей и выходим к просторному холлу.

— А содержание такой библиотеки, — продолжает Вайолет, пока мы идем мимо уютной лаундж-зоны с мягкими креслами, пуфами и столиками для ноутбуков, — это огромное количество пыли, расход энергии, обслуживание, климат-контроль, реставрация фондов и...

— Ладно, я понял, ты за современное будущее! — смеюсь я и отвлекаюсь на меню, когда мы наконец-то подошли к стойке с бариста. — Что пить будешь?

— Да, извини, заносит, — Вайолет застенчиво усмехается и зависает взглядом на десертах.

— Любишь сладкое?

— Да... — с грустью и лёгкой задумчивостью говорит она.

— Моё предложение включает и пирожное.

— Нет, ты что. Нет, ни в коем случае, — восторженно восклицая, начинает она отнекиваться. — Так, а ты куда планируешь вступить? — тут же меняет тему разговора, чтобы отвлечь меня.

— Что значит куда?

— В какой клуб? Или ты футболист?

— Так, я совсем тебя не понимаю, — отвечаю Вайолет и снова смотрю на бариста. — Можно мне чёрный кофе, а девушке...

— Чай! Тоже чёрный.

Нам делают напитки, и моя новообретённая подруга продолжает:

— Большинство студентов стараются заниматься общественной деятельностью. Это повышает общий рейтинг, иногда даёт бонусы к заявкам на гранты и стажировки. Но если ты в университетской команде по соккеру, то в клуб вступать не обязательно.

— Футболисты — это элита?

— Что-то вроде. Ева потому и организовала чирлидинг, чтобы её не заставили участвовать в университетском спектакле.

— Даже так? Я думал, ей это не в радость.

— Почему?

— Крутить пируэты в коротких юбках кажется не её вайб. Беннет заливается смехом.

— О, ты не знаешь, какой у неё вайб. Но лучше пусть машет помпонами, чем устраивает травлю на первокурсниц.

— Травлю?

— Ой, я, наверное, лишнего взболтнула, — Вайолет снова прикусывает губу, в страхе, что ляпнула что-то не то.

Нам подают напитки, и она спешит спрятать лицо за ста-

каном.

— Нет, так не пойдёт, — я направляю её к уютным мягким сиденьям в углу. — Давай выкладывай!

Беннет прикусывает губу, будто осматриваясь, не следит ли кто за нами. Затем присаживается на широкий подоконник, превращённый в длинную мягкую нишу у окна и заговорщически начинает свой рассказ:

— В общем, когда мы были на первом курсе, Ева и Алисия были самыми популярными девчонками потока и лучшими подругами. Они организовали что-то вроде сестринского объединения — клуб классных девчонок. И кто не входил туда, тот постоянно подвергался розыгрышам и всякого рода козням с их стороны. Одним словом, если ты не из богатой семьи и не родилась красоткой, то будет несладко.

— Так, но тебе-то чего переживать? Ты по второму пункту всех здесь обошла! — подмигиваю я Беннет, из-за чего её щёки в мгновение становятся пунцовыми.

— Очень смешно. Ещё одна такая шутка, и я больше ничего тебе не расскажу! А ещё заблокирую тебе доступ в прачечную через студенческий портал.

— Это была не шутка!

Вайолет бросает в меня лежащую рядом подушку, которую я, конечно, легко ловлю одной рукой. Девушка поправляет свои нелепые косички и продолжает:

— В общем, если серьёзно, я была той, кому досталось от стерва-клуба.

— Стерва-клуб?

— Да, мы так их называли.

— Надо запомнить.

— Сейчас ни к чему, это давно в прошлом.

— То есть сейчас Лазурская не строит из себя королеву выпускного и никого не задирает?

— Именно. Ударилась в учёбу и даже перестала дружить с Алисией. Это, конечно, было для неё тем ещё потрясением.

— А с чего вдруг?

— Это случилось, когда Ева встретила парня с круиза, на котором отдыхала. После того лета она вернулась совершенно другая: перестала цепляться к нам, распустила клуб и окончательно рассорилась с Бернауд, — поясняет Вайолет и снова прикидывает губами к стакану. — Говорят, он ей даже предложение сделал весной. Так влюбился. Она вся просто светилась от счастья.

— А где этот парень сейчас?

— Кажется с ним что-то случилось, точно не знаю. После этого Лазурская окончательно закрылась, перестала кого-либо замечать, пропадала в библиотеке и превратилась в настоящего монстра на тренировках. Порой казалось, она пытается себя наказать за что-то или просто скорбеть по-другому не умеет.

— Это её изменило... — говорю я задумчиво, не спрашивая, а констатируя очевидный факт.

— Да, очень. Но к прежней версии себя она не верну-

лась, просто стала одиночкой, — пожалв плечами, заканчивает Вайолет.

Вот сейчас мне начинает быть понятна скрытность Евы. На острове она всегда держалась особняком: вроде в компании и вроде нет. У каждого есть травмы, и теперь я знаю немного о шрамах Лазурской. Может, это поможет мне познакомиться к ней ближе и узнать больше о программе VEDA.

— Спасибо, что рассказала, теперь всё прояснилось, — возвращаюсь я к разговору с Вайолет.

— А откуда ты её знаешь?

— Мы познакомились на одном курорте прошлым летом. У нас есть общий друг.

— Ясно, но она как-то не рада была тебя видеть, — хмурит бровки рыжая, будто сомневается в правдивости моих слов.

— Да мы... мы с ней не особо ладили.

Но я хочу это исправить.

Беннет кивает и отпивает свой чай, потом её взгляд падает куда-то за мою спину:

— А вот и Алисия идёт. Она, кстати, тоже сильно изменилась.

Я поворачиваю голову, чтобы узнать, как выглядит бывшая подруга Евы и чуть не роняю челюсть на пол.

— Как ты сказала её зовут?

— Алисия Бернауд.

Вот только я её знаю как Алису. Свою бывшую, если она

может являться таковой. Девушка с идеально ровными белоснежными волосами в зелёной форме университета идёт уверенной походкой мимо нас. Её окружает пара друзей, которые активно что-то обсуждают, пока Алиса пялится в телефон.

— Она... — я не отрываю от неё глаз, пытаюсь дать объяснение увиденному. — Это она была главной в клубе стерв? Ты ничего не путаешь?

— Поверь, когда на тебя выливают ведро краски, такое сложно забыть или перепутать.

— Она это сделала?

— О да, — кивает Беннет, тихо сёрбая из стакана.

Алисия с друзьями скрывается в коридоре.

— Так, Вайолет, не обидишься, если я оставлю тебя? Появились кое-какие дела.

Мне срочно нужно поговорить с Евой. Мне нужны ответы и чёткое объяснение, как Алиса, девушка, с которой я недолго, но всё же встречался на острове, оказалась наследницей фармацевтической империи Бернауд и настоящей стервой-садисткой.

— Конечно. Спасибо за чай, — Вайолет решает не придавать значения моему внезапному побегу.

— Не за что, ещё поболтаем, — я подскакиваю и бегу прочь из комнаты отдыха.

Иду по длинным коридорам, мысленно пытаюсь запомнить их планировку. Уверен, каждый год здесь теряется эн-

ное количество студентов, которые заблудились и так и не нашли выход из этого лабиринта.

Отличная получилась бы страшилка для посиделок у костра.

Выбежав на улицу, иду в сторону зданий, где живут девушки. Про себя уже придумал историю, которую буду плести охраннику, чтобы он позволил мне попасть внутрь, но этого не требуется: приближаясь к крыльцу резиденции, я замечаю нужного мне человека.

Ева сидит на лавочке со стаканом кофе и что-то активно клацает на планшете.

— И снова здравствуйте! — я плюхаюсь рядом так, чтобы быть повернутым полностью к ней.

— Ты ещё здесь? — безразлично комментирует ледяная королева, бросив на меня мимолётный взгляд.

— Привыкай, я здесь буду ещё очень долго.

— Не думаю.

— У меня есть вопрос.

Лазурская смотрит на меня с прищуром, закатывает глаза, выдыхает тёплый воздух в пространство, который тут же превращается в облако, и достаивает меня внимательным выражением лица:

— Только быстро.

— Кто такая Алисия Бернауд? Потому что я знал эту девушку как Алису, простую скромную официантку, которая «работала на острове», — выделяю кавычками последнее

слово. — Или она тоже цифровая модель, собранная по живому человеку?

— Тише, — Ева захлопывает планшет и наклоняется ко мне. — Ты же подписал NDA⁵, не в курсе, чем это грозит?

— В курсе. Поэтому, если не хочешь говорить об этом на улице, пойдём туда, где нас никто не подслушает.

Цокнув, фыркнув, и махнув своей пышной гривой, она всё же нехотя встаёт со скамьи и направляется внутрь здания. Я иду следом. Мы беспрепятственно проходим мимо стойки администратора, поднимаемся на второй этаж и оказываемся в комнате Евы.

— Ты живёшь одна?

— Да, привилегия отличниц.

— Или богатых родителей, — не могу удержаться от шпильки.

— Кто бы говорил.

— А я этого и не скрываю.

— Фил, давай по существу. Что ты хочешь знать? — резко прерывает нашу перепалку и складывает руки на груди.

— Как так вышло, что в симуляции я встречался с одним человеком, а здесь вижу совершенно иного? Кажется, вся суть программы в том, чтобы быть максимально реалистичной и подстраиваться под существующую жизнь чело-

⁵ NDA — соглашение о неразглашении конфиденциальной информации, юридический документ, который обязывает подписавшего хранить в тайне полученные данные.

века.

— Да, это так, — соглашается Ева. — Но не каждый случай можно вести по базовому протоколу. Иногда приходится менять параметры среды и собирать индивидуальный сценарий, чтобы добиться терапевтического результата.

— И что это значит?

— Если совсем просто: человека помещают в симуляцию, где он должен прожить определённый эмоциональный опыт. Не травму заново, а ситуацию, которая помогает иначе взглянуть на себя, на других людей и на собственные реакции. Часто достаточно смоделировать условия, в которых пациент сам проявит привычный паттерн поведения и сможет безопасно с ним столкнуться. Но психика — не математика. Здесь нельзя взять универсальную формулу и применить её ко всем. Поэтому стандартные методы иногда не работают, и приходится адаптировать протокол под конкретного участника.

— Ты можешь объяснить простыми словами, а не прятаться за научными формулировками?

— Странно, что ты не понимаешь. Мы это проходили на первом курсе психологии, — Ева наигранно задумывается и продолжает: — Ах да, ты же не учился с нами. Решил, что тебе достаточно годового обучения на академическом треке.

Я игнорирую её выпад. Уверен, она ещё не раз припомнит, что я не на своём месте, но это меня мало волнует.

— Самоутвердилась? Можем продолжить?

— Даже ещё не начинала, — хмыкнув, девушка подходит к окну, будто хочет что-то проверить, а затем в небрежной манере всё же решается мне пояснить происходящее. — Алиса оказалась достаточно сложным случаем. Классическая психотерапия не особо помогала, и я предложила пригласить её в программу.

— А какие у неё были проблемы?

Я уже знал небольшой контекст происходящего от Беннет, но мне была интересна версия Евы.

— Думаю, тебе уже успели рассказать ключевые сплетни кампуса. Не строй из себя незнайку.

— Хочу услышать от тебя. Так сказать, от первоисточника.

Лазурская скептически кривит губы, точно подбирая какой-нибудь острый ответ, но всё же решает попридержать язык и продолжает:

— У Бернауд наблюдались выраженные нарциссические черты с агрессивно-доминантным поведением, низкой эмпатией и фиксацией на статусной иерархии. Сначала это казалось обычной избалованностью, синдромом богатой девочки. Но потом её выходки вышли из-под контроля. Это был самый настоящий буллинг с элементами насилия. Если бы не экстренное вмешательство, боюсь, Алису могли бы признать социально опасной.

— И поэтому ей создали иную личность? Как это возможно? Ведь в симуляции ты не помнишь буквально пару часов

до погружения, а не всю свою жизнь.

— Не мог бы ты не кричать об этом направо и налево? — шипит Лазурская, понижая голос.

— На «острове», — поправляюсь я. — На острове нет никаких искажений реальности. Разве нет?

— С Алисой пришлось работать дольше обычного. Подготовительная терапия, медикаментозное сопровождение, гипноз, несколько сессий с психотерапевтом. После этого под неё разработали специальный протокол, где она должна была пожить в шкуре тех, кто обычно становится её жертвой в реальной жизни.

— И вы устроили ей травлю?

— Не совсем. Программа почти не использует искусственную модерацию событий, поэтому организовать травлю на прямую не представлялось возможным, но... — Ева вдруг замолкает и кусает нижнюю губу, будто только что поняла, что взболтнула лишнего.

— Но? Почему ты остановилась?

— Неважно, я тебе в целом всё рассказала! — она вдруг подлетает ко мне и хватается за локоть, чтобы выпроводить из комнаты.

— Так, стоп, Лазурская, давай заканчивай предложение!

— Но... но достаточно было, чтобы она... — Ева растерянно пытается меня вытолкнуть. — Пожила жизнью обычной девчонки с работой на лето.

Я резко останавливаюсь и упираюсь упрямым взглядом в

эту невыносимую девчонку.

— Ева, скажи правду. Что ты хотела сказать?

Девушка отворачивает голову в сторону.

— Алисе нужно было прожить в чужой шкуре. Если буллинг было сложно организовать, значит, её «наказание» было выражено в другом. И это другое... — рассуждаю я, проверяя реакцию Евы на мои слова, но до меня уже и так доходит смысл сказанного. — Я.

Заканчиваю и вижу по её лицу, что прав.

— Я должен был разбить ей сердце, чтобы она испытала сильный эмоциональный всплеск, верно?

— Это не было подстроено специально, — признаётся Ева. — Но один из таких сценариев рассматривался. И он сработал.

— Это помогло Алисе?

— Да. После острова она прошла ещё один курс психотерапии и вернулась в университет. Сейчас она совершенно другой человек.

— А ты? — вдруг срывается с моих губ.

Я ведь не идиот. У Евы тоже целый вагон травм и триггеров, и её погружение в симуляцию не случайно.

— А что я?

— Ты стала другим человеком после острова?

— Нет. Я там исключительно в научных целях.

— Но ты ведь не знаешь, что находишься в симуляции, а значит, не можешь всё анализировать с точки зрения науки,

— я внимательно вглядываюсь в её лицо, пытаюсь распознать ложь. — Или всё же знаешь?

Беру на понт, потому что давно подозреваю: от меня многое утаили там, в клинике.

— Я нахожусь в симуляции на тех же условиях, что и другие участники. Разница состоит лишь в том, что после выхода я не еду домой, а анализирую происходившее со мной и окружением: записываю отчёты, отмечаю наблюдения, прохожу анкетирование.

Без всякой заминки отвечает Ева.

— А теперь проваливай. Я ответила на все твои вопросы!

Улыбнувшись краем губ, я киваю в знак прощания и покидаю её комнату. Уверен, Лазурская что-то скрывает. И плохие новости для неё — я здесь как раз за тем, чтобы выяснить, что именно.

Глава 2. Всё было по-настоящему

Фил. Год назад. Клиника Лазурских.

— Фил, Кира не человек, а цифровая модель...

Слова Евы ощущаются как удар по пустой металлической бочке, от которого ещё долго слышен гул и вибрация. «Цифровая модель», «не человек», «погибла несколько лет назад» — фразы прокручиваются в моей голове бесконечной шарманкой.

Цифровая модель. Не человек. Погибла.

Киры не существует? Кира никогда меня не знала?

Всё, что я пережил, — ложь? Единственный раз, когда я почувствовал нечто настоящее к девушке, оказалось простой игрой сознания? Иллюзией?

— Владислав, нам очень жаль, — сквозь гул и приглушённый вакуум слышу голос Елены.

— Фил, ты в порядке? — под локтем чувствую ладонь Глеба, пытающегося удержать меня на ногах.

Я не могу вымолвить ни звука. Паника, скорбь, вина, обида — всё смешалось в один непроходимый ком в горле.

— Ты знал, — хрипло выдавливаю из себя. — Ты всё это время знал!

Мне сносит крышу. Набрасываюсь на Каменского, схватив его за рубашку. Мы валимся на пол, я замахииваюсь, чтобы расквасить ему физиономию, но меня тут же блокирует

Сергей.

— Ева, пропофол! — командует Лазурский.

— Ты всё это время знал! — ору во всю глотку. — Знал!

— Вдруг меня накрывает такая осязаемая боль, она давит на сердце, поджигает органы изнутри, что я не в силах контролировать эмоции. Глаза наполняются слезами, лицо искажается в плачущей гримасе. — Ты всё это время знал! — повторяю, как заведённый, будто имею право обвинить его в том, что сам так неосторожно влюбился в несуществующую девушку.

А можно ли называть это любовью? Когда один из участников этого процесса вовсе не знал о существовании другого?

В вену вонзается шприц, и мое сознание мгновенно уносится обратно на остров — к песчаному пляжу и девушке, которую теперь я смогу видеть только под кайфом или во сне.

Я размыкаю глаза и снова вижу этот ненавистный белый потолок. Если я сейчас ещё увижу обеспокоенную рожу Каменского, то точно поверю, что попал во временную петлю, где мне предстоит прожить один из самых худших дней в своей жизни по кругу.

— Очнулся?

— Опять ты, — выдыхаю, услышав голос Глеба.

— Я никуда не уйду, пока не буду уверен, что ты стабилен.

Зло усмехаюсь:

— С каких пор ты стал таким заботливым?

— Это моя работа — наблюдать за участниками программы после их пробуждения. Мы должны быть уверены, что не сделали хуже.

Я начинаю смеяться в полный голос. Он серьёзно? Будет говорить со мной медицинскими терминами, пока я тут чуть умом не тронулся?

— Хуже? Это ты называешь хуже? — новый приступ истеричного смеха захватывает мои лёгкие. — Да вы меня вывернули наизнанку, выпотрошили все внутренности, и теперь я ощущаю себя куском кожи без содержания. Пустое, бесполезное существо!

— Фил...

Я плотно прикрываю глаза ладонями и резко сажусь на кровать. Голова гудит, а в горле такая сухость, хоть кактусы сажай.

— Я понимаю твоё состояние.

— Вряд ли. Ева из плоти и крови ходит по коридорам, и ты можешь дрончить на неё каждый день после работы.

— Грубо.

— Это ещё блядь не грубо, Каменский! Ты понятия не имеешь, что значит быть на моём месте!

— Фил, возьми себя в руки.

— Отвали! — огрызаюсь я, вперившись пальцами в волосы.

— Жизнь продолжается. Ты же это понимаешь?

Я не хочу ничего понимать. Мне будто крылья подрезали, инвалидом сделали. Любой другой исход ещё можно было как-то представить, но этот — тупик. Я бы мог жить дальше хотя бы ради борьбы, хоть какой-то призрачной надежды, что всё может измениться или я могу исправить. Но это не тот случай.

— Ты знал? — задаю я вопрос, немного умирив свой пыл.

— В симуляции нет. Это запрещено программой, ты же знаешь.

— Тогда почему ты так яро пытался меня отговорить сближаться с ней? Что тебя останавливало?

Глеб устало садится рядом на кровать.

— Перед погружением со всеми пациентами работают психотерапевты, практикующие гипноз. Это нужно для того, чтобы стереть или подменить воспоминания, которые могут всплыть во время симуляции и нарушить сознание человека.

— Человек не должен догадаться, что он в симуляции. Иначе что?

— Иначе могут начаться необратимые процессы в мозге. Паника — страшная вещь, и если человек, находясь в капсуле, вдруг начинает паниковать внутри программы, это может закончиться очень плохо.

— Тогда почему ты был против наших отношений?

— Одно из подменённых воспоминаний — это репутация

Киры. Девушка-призрак, с ней нельзя заводить отношения, она не создана ни для чего серьёзного и в конце лета исчезает, ни с кем не поддерживая связь. Она словно не существует за пределами острова, — заканчивает Глеб, произнося слова, как заклинание, пугающе ровной интонацией.

— Эта мысль, — продолжает Каменский, — у меня звучала на подкорке. Суть внушения заключается в непоколебимой вере в него. И если мне сказали, что Кира не та, с которой нужно заводить отношения, значит, это незыблемая константа.

— Почему этого внушения нет у меня?

— Потому что ты с ней не был знаком, — сразу признаётся Глеб. — Кира запрограммирована на лёгкие романы без обязательств. То, что произошло у вас...

Я поднимаю голову и смотрю на друга.

— Это нестандартный случай, который ещё требует изучения. — заканчивает он.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Дело в том, что во время вашей связи код Киры несколько раз пытались взломать. А точнее — сама система пыталась взломать саму себя. Она вышла из-под контроля, стала думать своим опытом.

— Что значит «сама себя взломать»? — я, видимо, всё ещё под пропофолом, потому что ничего не понимаю.

— Я не силен в терминологии, но проще говоря, она пыталась выйти за рамки прописанных для неё запретов кодом.

— Ты мне сейчас про восстание машин втираешь? Или я тупой?

Глеб усмехается, качая головой.

— В каком-то смысле. Но следует помнить, что даже искусственный интеллект допускает ошибки и иногда поступает иррационально. А если учесть, что Кира полностью создана на базе данных реального человека, то её поведение абсолютно непредсказуемо в той степени, в которой мы не можем с точностью в 100% предсказать действия и чувства другого человека, даже если будем его хорошо знать.

«Всё было по-настоящему.»

В голове всплывает фраза Киры, которую она сказала в нашу последнюю ночь. Что это могло значить? Будь она реальной, то ответила бы взаимностью на мои чувства? Но этот факт не облегчает моей боли. Я всё ещё здесь, заперт в четырёх стенах этой проклятой клиники, всё ещё отхожу от последствий программы, куда сам себя втянул, и всё ещё не понимаю, как действовать дальше.

И есть ли смысл в этом дальше?

— Глеб, — зову я тихо, пристально смотря в одну точку на полу. — Как она погибла?

— Я точно не знаю. Кажется, не справилась с управлением машины.

— Автокатастрофа.

— Да. Мне очень жаль, Фил.

Друг сжимает моё плечо, встаёт и подходит к двери, дол-

го там стоит и, подозреваю, прожигает меня сочувственным взглядом. Потом он наконец-то уходит, а я ещё минимум час не могу пошевелиться, находясь в странном состоянии полного окаменения.

Глава 3. Любовь зла

Фил.

Последнюю лекцию отменили, и я использую это время, чтобы зайти в библиотеку. Если бы мне пару лет назад кто-то сказал, что я выберу пыльное помещение, напичканное книгами сразу после занятий, я бы решил, что он сошёл с ума. Но, честно говоря, я иду не за учебниками, чтобы тухнуть над ними весь оставшийся день — мне необходимо поговорить с Алисой Бернауд, а она часто бывает в кофейне при библиотеке в это время.

И я не ошибаюсь: блондинка с длинными волосами и акkuratным обручем на голове сидит в телефоне и вальяжно попивает свой карамельный латте.

— Привет. — Загородив ей часть редкого солнца, пробирающегося сквозь панорамные окна, здороваюсь.

— Филатов? — Со слегка надменной улыбкой она то ли приветствует, то ли изображает удивление. — Не ожидала тебя здесь увидеть.

— Представь себе, я тебя тоже. — Присаживаюсь напротив. — Мы можем поговорить?

Алиса неспешно прикладывает к губам стакан кофе и медленно отпивает.

— Нам есть о чём говорить? — Одна бровь слегка приподнимается. Она выглядит совершенно незаинтересованной,

холодной и по-аристократически заносчивой.

Вот это перемена.

— Да, мне нужно задать тебе пару вопросов. Угощу тебя...

Бернауд саркастично смеётся.

— Фил, я сама могу купить себе кофе. А если ты хочешь поговорить о... — она смотрит по сторонам, проверяя, не слышит ли нас кто-то, — ...обстоятельствах, при которых мы с тобой познакомились, то и ты, и я подписали...

— NDA, я знаю. — Заканчиваю за неё. — Но программа не запрещает поддерживать связь друг с другом, и так как мы оба были там и подписали один документ, то обсудить это между собой не запрещается.

— Технически запрещается обсуждать её вне... — она понижает голос и сквозь зубы произносит, — ...симуляции.

— Всего пара вопросов. — Почти умоляю я. — И я отстану, честное слово.

Алиса шумно вздыхает и вытягивает губы, обдумывая моё предложение.

— Ты можешь не отвечать, если не захочешь, но не попытаться я не могу. — Вглядываюсь в её глаза, стараясь силой мысли передать свою потребность в ответах.

— Ладно. Давай встретимся через десять минут в сквере у второго корпуса, задашь свои вопросы, и больше к этой теме не возвращаемся. Каждый живёт своей жизнью. Договорились?

— Обещаю.

Алиса появляется из-за зарослей в бежевом плаще. Сейчас, глядя на то, как волосы сочетаются со строгим образом богатой аристократки, я не понимаю, как вообще мог не распознать в ней величавую Алисию Бернауд, приняв за милую девушку Алису. Всё в её внешности, походке, взгляде кричит о деньгах и статусе.

Это не плохо, даже чем-то привлекает. Но уже не меня.

— Давай только быстро. — Закатив глаза, начинает она.

— Ты добровольно попала на остров? — Неожиданно для себя задаю вопрос, который был далеко не первым в списке.

— Зачем тебе эта информация? Хочешь выяснить, похищают ли Лазурские людей для проведения своих экспериментов?

— Ну раз мы оба с тобой здесь, то версия с похищением уже отпадает.

Алиса переминается с ноги на ногу, смотрит на свои блестящие сапоги и подбивает ими лежащий камешек.

— Не могу сказать, что я горела желанием участвовать в безумном психологическом испытании, но оно пошло мне на пользу.

— Или тебе внушили это?

Она иронично усмехается.

— Фил, мне ничего не внушали. Я помню, какой была и что делала, и сейчас смотрю на своё поведение совершенно иначе. Если эффективную психотерапию ты называешь про-

мывкой мозгов — пусть будет так.

— То есть ты осознала своё поведение и вдруг стала белой и пушистой?

— Белой я всегда была, — она проводит по своим роскошным длинным волосам, — а что касается пушистости — нет, я всё та же сучка из потока, но по крайней мере я понимаю, что самоутверждаться за счёт унижения других — это дно. Мне стыдно за своё поведение, и я уже извинилась перед всеми, кому от меня досталось.

— Кто привёл тебя в программу?

— Отец. — Коротко отвечает Алиса. — Если бы меня упекли в психушку, его репутации это бы не пошло на пользу.

— Но ты сама не хотела?

— Фил, ты пытаешься узнать правду или подогнать свою версию событий под произошедшее? Да, я была не согласна с отцом, и первое время считала, что весь этот фарс с погружением меня в симуляцию под другой личностью — полный бред.

— А после выхода? Ты с кем общалась? С Лазурскими?

— Нет, мной занимались их сотрудники.

Я делаю паузу и, прикусив нижнюю губу, обдумываю, как задать следующий вопрос. Учитывая то, что произошло с нами на острове, имею ли я право поднимать эту тему?

— А Кира... — начинаю я. — Ты знаешь о ней что-нибудь?

— Кроме того, что она конченная стерва? — Как на духу вырывается у Алисы без всякого стеснения.

— Почему ты так считаешь?

— То, что у меня к тебе нет никаких чувств, не исключает того факта, что эта сучка влезла в чужие отношения и переспала с моим парнем. Это отвратительно, даже если этот парень — ты.

Смешок сам собой вырывается из горла. Меня как только не называли, поэтому быть в статусе мудака я привык, но слышать это от Алисы, той девушки, которой я, как думал, разбил сердце, одновременно стыдно и смешно.

— Прости.

— Не стоит. — Тут же она отмахивается от моих извинений, как от чего-то противного.

— Ладно... — Смотрю в сторону корпусов. — Так ты ничего не знаешь о Кире? Никогда не встречала её раньше? Вне острова?

— Не-а, она вроде живёт жизнью диких аборигенов. Или это просто слухи.

— Но ты же дружила с Евой долгое время. Она никогда не говорила о сестре или, может, Кира приезжала сюда?

— Нет. — С уверенностью отвечает Бернауд. — Я вообще не знала, что у неё есть сестра. Да мы и никогда об этом не говорили.

— А после симуляции?

— А что после?

— Ну, вы говорили? Спрашивала ли ты о Кире?

— Нет! — раздражённо произносит Алиса. — Фил, извини, но мне было плевать на твою новую подружку, своих забот хватало.

— Да, ты права. Извини, это несправедливо.

— Да уж, ты повёл себя как придурок!

Я качаю головой, в сотый раз мысленно посылая её пеплом.

— Веришь или нет, но я правда пытался поступить правильно. Остров тоже многому меня научил.

— Ну, рада за тебя. — Бернауд складывает руки на груди в нетерпении закончить разговор.

— Я не должен был доводить до такого.

— До какого? Трахаться за моей спиной с другой?

Её прямолинейность ощущается как кожаный кнут по лицу. Я знаю, что я козёл, не обязательно об этом постоянно напоминать.

— До этого. И до твоего поведения — я понимаю, что ты действовала на эмоциях.

— На эмоциях? О чём ты?

— Я про декорацию.

— А что с ней?

Я почему-то уверен, что она не из тех, кто будет отпираться и врать о том, что сделала, хоть это и был необдуманный поступок, за который ей вероятно сейчас стыдно.

— Почему ты спрашиваешь? — Растерянно отвечаю во-

просом на вопрос. — Разве не ты...

Я даже не заканчиваю фразу, потому что по сведённым бровям Алисы понимаю, что она этого не делала.

— Разве не я... что?

— Алиса, скажи мне, ты открутила болты на декорации Киры?

Глаза Бернауд расширяются, она медленно поворачивает голову в сторону, будто так ей проще переварить услышанное, и снова возвращает взгляд на меня.

— Фил, в симуляции у меня были так прошиты мозги, что я бы и мухи не обидела. Хотя случись всё это с нами в реальном мире — поверь, я бы ей не только болты открутила, я бы голову откусила этой овце.

Пока задача, которую я уже думал решил, снова начинает пересчитываться в моей голове, переставляя пазлы и рисуя новую картину произошедшего, Алиса нетерпеливо дёргает ногой и спрашивает:

— У нас всё? Я могу вернуться, или у тебя ещё есть вопросы, Шерлок?

— Это всё. Спасибо за помощь.

— Счастливо. — Небрежно бросает она и гордой походкой возвращается в резиденцию.

Губы растягиваются в болезненной улыбке. Как я мог быть таким идиотом и не понять сразу? Конструкцию подкрутила сама Кира. Во-первых, она с самого начала знала, что ей и остальным танцорам ничего не угрожает, а во-вто-

рых, это так на неё похоже.

Она манипулировала мной начиная с самой первой встречи, чему удивляться? Кира — королева игр, она сама испортила декорацию, добилась моих эмоций, доказала, что может заставить людей вести себя так, как ей того захочется. Узнай я о её выходке там, на «острове», наверное, меня бы это задело, но сейчас как будто уже не имеет смысла ни злиться, ни пытаться понять её.

Ты права, Алиса, — я влюбился в ту ещё сучку.

Глава 4. Игра началась

Фил.

Тренажёрный зал Эшфорда встретил меня плотным запахом мужского тестостерона — или, по-бытовому, пота. И нет, здесь хорошо работали кондиционеры, само помещение было оборудовано достаточно грамотно, вот только мой приход совпал с тренировкой футбольной команды, и в зоне силовой яблоку буквально негде было упасть.

Я смотрю на часы, обдумывая варианты прийти попозже, но дальше у меня плотное расписание, и если хочу здесь задержаться, лекции пропускать не стоит. Тем более в начале учебного года.

Дав себе установку нагрузиться любой ценой, подхожу к блинам, лежащим недалеко от скамьи, и накидываю их на штангу.

— Эй, парень, а ты ничего не перепутал? — здоровый парень подходит ко мне, пытаясь задавить своей грудой мышц и низким голосом.

— Насколько знаю, эта штука как раз для этого и предназначена. Проблемы?

— У тебя будут, если не потеряешься прямо сейчас.

Это я так прозрел, или разница в год-два реально влияет на развитость мозга у парней? Помню, я тоже мог докопаться до кого-нибудь просто потому, что хочу пометить терри-

торию. Или ради веселья.

— Как раз собирался сделать пару подходов. Подстрахуешь? — в тупую веду себя максимально вежливо, сбивая качка с толку.

— Ещё раз повторяю: скамья занята.

— Технически ты говоришь это в первый раз.

— Технически я могу тебе вмазать прямо сейчас.

— Беллами, не устраивай мордобой в зале, потерпи хотя бы до конца тренировки, — к нам подходит ещё один футболист, такой же спортивный, как этот Беллами, но ближе к моей комплекции и росту.

— Хай, — он кивает мне головой.

— Привет, я, кстати, Фил, учусь на факультете поведенческих наук. — Протягиваю ему руку, сразу обозначая своё дружелюбие.

— Я тебя помню, у нас есть общие лекции, — парень жмёт мою ладонь — я Кай, а это Арчи. Не обращай внимания, у него проблемы с личной жизнью, вот он и бросается на всех.

— Нет у меня проблем, — фыркает тот и отворачивается, чтобы уйти.

— Девушка бросила?

— Скорее... — Кай смотрит ему вслед. — Он её. Но там всё сложно.

— Понимаю.

— Подстраховать? — спрашивает Кай, указывая на штангу.

— Было бы здорово. Если, конечно, ты не планируешь меня придушить, и вся эта «защита» была лишь способом втереться мне в доверие.

Он искренне смеётся, запрокидывая голову:

— Отличная идея, бро. Но убивать человека сегодня не входило в мои планы. Да и ты, кажется, нормальный парень.

— Здесь бы я поспорил. Но никто не идеален.

— Это точно.

Я наконец укладываюсь на скамью и приступаю к жиму лёжа. Кай страшует. Между подходами разговор завязывается сам собой, и мы решаем продолжить тренировку вместе.

— Так как ты здесь оказался, если мечтаешь о футбольной карьере? — задаю вопрос пока отдыхаю между подходами.

— Мои родители не из тех, кого легко переубедить. Отец владеет инвестиционной компанией, вкладывается в технологические стартапы. Мама — партнёр в международной юридической фирме. Сам понимаешь, сын должен стать как минимум следующим Стивом Джобсом.

— Они в курсе, что Джобс вырос не в семье миллиардеров? Его приёмный отец был механиком, а сам он до Apple работал техником в Atari.

— От этого мои перспективы кажутся им ещё более реальными. Если у Джобса получилось без таких возможностей, то какие оправдания могут быть у меня? — Кай усмехается. — Отец недавно вложил в компанию, которая разрабатывает системы автономного вождения. Уже расплани-

ровал, как я наберусь опыта, возглавлю у них направление AI и заставлю Tesla подвинуться.

— Понимаю. Мой отец тоже хотел бы видеть меня у себя в офисе, — говорю, сгибая руку с гантелью. — Но я оказался совершенно неуправляемым и необучаемым.

— Серьёзно? И как тебя сюда занесло?

На секунду задумываюсь. Нужно подобрать универсальный ответ, чтобы не сочинять новую версию для каждого встречного.

— Эм... Скажем так, я прозрел.

— Прозрел? Это как?

— Понял, что не в греховных удовольствиях счастье, и встал на путь исправления.

— Говоришь как рецидивист, который обрёл веру за решёткой.

Громко смеюсь. В этом сравнении куда больше правды, чем Кай может себе представить.

— Знаешь, кажется, так оно и есть. Ты даже не представляешь, насколько точно попал.

Возвращаю гантель на стойку и меняюсь с ним местами. Пока Мерсер выполняет подход, стою рядом, готовый помочь на последних повторениях. Потом зачем-то начинаем соревноваться в подтягиваниях.

— Подбородок выше, Филатов. Это не считается.

— Ты ещё линейку принеси.

— Могу преподавателя позвать. Пусть оценит твоё стрем-

ление к знаниям.

— Иди на хер.

Кай смеётся, но, когда я спрыгиваю с перекладины, протягивает кулак. Отбиваю его своим.

— Неплохо для необучаемого.

— А ты ничего для будущей угрозы Tesla.

— Красавчик, привет!

Возле нас материализуется фигуристая шатенка с пышной укладкой. Обращается, разумеется, к Мерсеру.

— Дафна!

Он с улыбкой наклоняется, чтобы поцеловать её в щёку.

— Знакомься, это Фил. Будет год учиться в Эшфорде на нашем факультете.

— Очень приятно. Дафна.

— Взаимно.

Пожимаю протянутую руку кокетки.

— Увидимся вечером? Мы с Леони собирались в бар. Присоединишься?

Она придвигается к Мерсеру, касается бедром его ноги и прикусывает губу. Полный набор откровенного, даже вызывающего флирта.

Но Дафну я не осуждаю. Похоже, она ведёт себя именно так, как от неё ждут. Она не глупая и не пустая, просто влюблённая и слишком гордая, чтобы это признать.

Девушка приняла правила игры, довольствуется обрывками вежливого внимания Мерсера и предлагает именно то,

что он готов взять, и не больше. Лёгкий флирт, почти прямое приглашение провести вместе ночь, а дальше — общаться как друзья. Ведь никто ничего не обещал.

Идеально для него. И безвыходно для неё.

— Я напишу, если получится, ладно?

Он улыбается, но за этой улыбкой прячется дежурное, вежливое «нет». И под «нет», подозреваю, стоит понимать: «Я уже трахал тебя, малышка, и теперь ищу кого-нибудь нового. Прости».

Знакомая тактика, я и сам ею часто пользовался.

— Можешь прийти с другом.

Она поворачивается ко мне и дарит улыбку.

— Спасибо за приглашение.

Девушка удаляется, и Мерсер с облегчением выдыхает.

«Бедняга», девчонки так и липнут.

Пока мы собираемся уходить, с ним успевает познакомиться ещё одна красотка, пока её подруга клеит меня. В общем, Кай явно пользуется популярностью у противоположного пола и авторитетом в команде.

Но счастлив ли он сам?

Сейчас Мерсер — звёздный нападающий Ashford Falcons. А после выпуска родители, скорее всего, запрут его в башне роскошного стеклянного офиса, оставив мечту о профессиональном футболе за порогом.

Хотя не будем спешить.

У Кайлера ещё есть время всё исправить.

После лекции по когнитивной психологии я решил посетить ещё одну — по распознаванию и обеспечению безопасности в области AI-технологий. Вайолет сказала, что у нас классный преподаватель, который любит устраивать студентам непроходимые квесты. А везде, где есть вызов, есть я.

Оказавшись в аудитории-амфитеатре, мой взгляд сразу зацепился за темноволосую мегеру, сидящую отдельно от основной массы студентов. Ева активно строчит что-то на своём ноутбуке, не обращая никакого внимания на внешний мир.

— Привет, присяду! — в наглую вторгаюсь я в её личное пространство и плюхаюсь рядом.

— Нет.

— Поздно.

Достаю свой планшет из сумки, хитро поглядывая на неё.

— Тебе больше заняться нечем, кроме как меня доставать?

— Представь себе, — небрежно бросаю я, сосредоточившись на включении своего гаджета. — Я променял жизнь в дорогом пентхаусе с высокооплачиваемой работой на год в этом нафталиновом университете. Так что да, подоставать тебя одно из самых интересных занятий на ближайшее время.

Ева, издав недовольный вздох, захлопывает ноут и поворачивается ко мне.

— Так и зачем тебе этот архаичный университет? Иди живи свою жизнь мечты, встречайся с моделями и летай на частных джетах.

— Я бы с удовольствием, но есть одна проблема.

— И какая? — с давящей интонацией спрашивает она.

Я наклоняюсь к ней ближе и с заговорщическим выражением лица тихо произношу:

— Мне это не интересно.

Цокнув, она возвращается в исходное положение, снова открывает свой ноут, давая понять, что до конца лекции я для неё не существую. Однако у судьбы другие планы.

— Всем добрый день! Надеюсь, вы хорошо провели лето и готовы к испытаниям коры головного мозга! — весело начинает профессор Джулиан Корсаков. — Итак, начнём сразу с практики. Заодно вспомним всё, что мы изучали в прошлом году.

Основная часть аудитории нехотя хнычет, и ранее я был бы в их числе, но сейчас мне становится искренне интересно, что предложит профессор.

— Вам нужно будет разбиться по парам, так как это проектная работа. Затем войти в Ashford Connect, в нашу единую учебную систему, после в раздел нашей кафедры, где ищем мой предмет и вводим свой персональный код. Там вы перейдете в мессенджер с AI-аватаром — вашим индивидуальным персонажем со своим характером, мнением, жизненным опытом и эмоциональными установками. Одним сло-

вом, ничем не отличимым от реального человека. Ваша задача — доказать мне, что ваш персонаж это AI. Общение с аватарами доступно на протяжении двух лекций. Когда мы встретимся в третий раз, у вас должна быть готова полная аргументация того, что вы общались не с человеком. Будьте внимательны, я знаю все ваши аргументы наперёд, поэтому лучше хорошо потрудитесь и найдите побольше неоспоримых доказательств.

— Мы должны доказать по визуальному признаку или исходя из общения? — спрашивает кто-то.

— Любые признаки, что перед вами AI, а не реальный человек, будут учитываться.

— Аватары вымышленные или созданы по базе данных реальных людей?

— А вот это правильный вопрос, — Джулиан хитро улыбается. — Но всё по порядку. Сначала разобьёмся на пары.

Я поворачиваюсь к Еве, но она пресекает мой вопрос раньше, чем я успеваю предложить:

— Даже не вздумай. Я работаю всегда...

— Лазурская, — зовёт ее профессор не давая договорить, — ты всегда предпочитаешь работать в одиночку, но так как у нас чётное количество людей сегодня, будешь делать проект вместе с Филатовым, — произносит он мою фамилию без единого намека на английский акцент. — Тем более вы оба говорите по-русски, легко найдёте общий язык, — довольный каламбуром, Корсаков переключается на других студен-

тов.

— Но я не хочу с ним работать! — возмущается Ева, однако преподаватель её уже не слышит.

— Уверена, что я настолько безнадёжен? — усмехнувшись, я тянусь к листу, который протягивает нам ассистент профессора с инструкцией для подключения к AI-персонажу.

— Это факт.

— Ну что ж... посмотрим.

Я ввожу данные входа и жду, пока в окошке, похожем на видеозвонок в мессенджере, появится наш проект. Спустя несколько секунд на экране появляется до боли знакомая улыбка.

— Каменский?

— Привет, Фил, как тебе в университете? Уже побил рекорд по пропускам?

— Охренеть! — вырывается у меня, потому что перед собой я вижу не AI-персонажа, а своего друга. Мимика, голос, жесты — всё просто невозможно отличить от реального человека.

— Скажите, а разве это законно? — вдруг спрашивает Ева профессора, пребывая не в меньшем шоке, чем я.

— Что именно?

— Создавать AI-аватары на базе реальных людей?

— Кто бы говорил, — тихо комментирую я и получаю недовольный взгляд от Лазурской.

— У нас вообще Фредди Меркури! — хихикает Нора.

— А у нас Индира Ганди, — кричит из дальних рядов Доминик.

— Понимаю ваш шок, но в этом и заключается смысл нашей программы, — объясняет Корсаков. — Вы должны распознавать дипфейки. И чтобы у вас была возможность подловить аватара на ошибке, вы должны знать о нём достаточно информации. Поэтому к следующей паре изучите биографию людей так, чтобы уличить искусственный интеллект в неточности. Это и будет вашим аргументом.

— А то, что Фредди Меркури уже нет в живых недостаточно веский аргумент?

— Нет. Это единственный факт из биографии аватара, который в данном случае не имеет никакой роли в рамках учебного процесса.

— Но как вы вообще смогли такое проверить? — не успокаивается Ева.

— Что именно, Лазурская? Вы же знаете, что Глеб Каменский так же учился здесь и проходил курс по психологии. Я не просто так выдал вам данный контакт — ведь вы знаете его лично и уж точно лучше, чем Синклер и Уокер знают Индиру Ганди. Так вот, удивите меня!

Лазурская недовольно вздыхает, а я начинаю диалог с Каменским — или точнее, его AI-версией. От меня не ускользает ирония: год я пытался забыть девушку, которая существовала только как цифровая модель, и вот я снова добро-

вольно погружаюсь в новую реальность, общаясь с такой же виртуальной копией, но уже своего друга.

Жизнь явно решила испытать мой разум на устойчивость к сумасшествию.

Открытый теннисный корт находится на дальнем краю кампуса, за старой кирпичной оградой, увитой плющом. На улице сентябрь, поэтому ещё есть возможность урвать пару теплых дней и помахать ракеткой на свежем воздухе. Здесь почти медиативная атмосфера, слышен только шум ветра и приглушенные голоса футболистов, что громко ругаются вдалеке на своем поле.

— Беннет, соберись! Мне нужен достойный партнёр для спарринга! — кричу я Вайолет, которая не смогла отбить ни одну мою даже самую простую подачу.

— Фил, теннис — это не моё! — кривит нос рыжая, которая, если объективно, не приложила и половины своего упорства, чтобы освоить данный вид спорта.

— Ты сама попросила научить тебя. Что сейчас началось? Девушка приподнимает козырёк и вытирает пот со лба.

— Как я тебя учил? Покажи стойку! — подгоняю её, не давая расслабиться и слиться.

Вайолет обречённо кивает и уже хочет подчиниться, но вдруг растерянно замирает и начинает поправлять свою свободную футболку-поло, оттягивать её вниз, выравнивать широкие шорты.

Что происходит?

— Филатов, бросай этот бабский вид спорта и присоединяйся к нам! — голос Кая раздаётся где-то за спиной, и я оборачиваюсь.

Мерсер проходит вдоль ограды, поправляя объёмную сумку на плече.

— С каких пор теннис стал бабским видом спорта? — усмехнувшись, запрыгиваю на скамейку, чтобы перекинуть руку через сетку и поздороваться.

— Согласись, с футболом не сравнится, — ржёт придуток, отвечая на рукопожатие.

— Не соглашусь. Давай как-нибудь сразимся?

Я отбегаю назад, крутя в руках ракетку.

— Нет, лучше ты к нам. Или боишься покалечить свои нежные бритые ножки?

Я просто громко смеюсь, не зная, что ответить на эту идиотскую шутку.

— Привет, Джонни! — бросает вдруг Кай Беннет.

— Привет — несмело отвечает Вайолет и тут же отворачивается, разглядывая деревья в противоположной стороне от Кая.

— Увидимся в зале, неженка! — напоследок салютует мне Мерсер и скрывается за деревьями.

Когда его фигура полностью исчезает из поля видения я переключаюсь на Беннет.

— Джонни? — переспрашиваю я Вайолет, которая стоит

вся красная и тербит свою косичку.

— Он просто издевается, — грустно отмахивается девушка и становится в стойку. — Как там ты говорил держать ракетку? Расслабленно?

— Так что это за прозвище?

— Подавай! — игнорируя мой вопрос требует она.

— Ладно, давай так. Если выиграю я — рассказываешь происхождение данной клички.

— Я не знаю откуда он... Эй! Вообще это нечестно!

— Я тренер. Я устанавливаю правила!

Подкидываю мяч и легонько подаю. Беннет на удивление даже попадает ракеткой, но мяч всё равно летит в сетку.

— Я понял, тебя нужно шантажировать! — отмечаю я громко, довольный больше от того, что она наконец включилась в игру, а не от перспективы узнать её грязный секретик, связанный с главным трахарем универа.

— Иди в задницу, Филатов!

— Ого, мисс Беннет, да вы делаете успехи!

Я снова подаю, мяч отскакивает, летит прямо на ракетку Вайолет, и она бьёт по нему со всей силы.

Даже не пытаюсь его взять — просто наслаждаюсь её триумфом.

— Ты какого чёрта не играешь? — психует она, но у меня это вызывает лишь улыбку.

— Не могу сдержать слёз. Ученик превзошёл своего учителя.

— Заткнись.

— Я серьёзно. Ты мощь, Лиззи!

Вайолет уже отворачивается, чтобы психануть и покинуть корт, но, услышав новое прозвище, оборачивается.

— Эта шутка уже устарела, придумай что-нибудь пооригинальнее!

— Джейн Остин никогда не устаревает — это раз. А два — зачем, если у тебя уже есть странное погоняло «Джонни», за которым, уверен, скрывается очень интересная история.

Вайолет закатывает глаза, а я догоняю её и закидываю руку на её плечи, они, к слову, еле доходят мне до груди. Такой она коротыш, конечно.

— Ничего там нет интересного.

— Уверен, есть. Это какой-то тайный шифр? Вы спите?

Вайолет, которая на этих словах поднесла бутылку воды к губам, начинает давиться, и жидкость выходит у неё через рот и нос фонтаном.

— Ты... ты совсем дурак?

— А что? Он не в твоём вкусе? — намеренно дразню Беннет, уверенный, что Кай Мерсер, скорее всего, во вкусе всех девчонок. Но всё же.

— Нет. Конечно, нет.

— Ясно. Ладно, выкладывай.

Мы уходим в сторону общежития, и всю дорогу я пытаюсь добиться от неё истории происхождения этого «Джонни».

Глава 5. В поиске женщины...

Фил.

Париж... Звучит красиво, но на деле мегаполис, который хорош только летом, в остальное время года те же туманы, дожди, грязь, ремонт дороги и недовольные жители – одним словом столица. Я стою у входа в театр современного балета — Théâtre de la Ville, где сейчас идут гастроли одной достаточно известной европейской труппы. И знаете, чья физиономия украшает пятиметровую афишу? Никто иной как Герман Громов смотрит на меня пронзительным взглядом в образе сексуального черного лебедя с примесью рок-звезды.

Найти его оказалось проще, чем я думал, один запрос в Google и я уже знаю в каком он городе и где проходят репетиция его труппы. Но воспользоваться связями отца все же пришлось, чтобы беспрепятственно пройти в театр и подсмотреть за постановкой в рабочем режиме.

— *Laissez-moi faire un saut périlleux à ce compte, pas besoin de traverser toute la scène...*⁶— Гера стоит в тёмных шелковистых шароварах, мускулистое тело блестит от пота, и я отмечаю, что в жизни парень ещё более подкаченный, чем я помню его на «острове».

— Гера?

⁶ Давайте я сделаю сальто на этот счёт и всё, мне необязательно бежать через всю сцену... (фр.)

Он отвлекается от труппы и смотрит вниз, где стою я.

— Фил? — Рот растягивается в улыбке. — Ты какого чёрта здесь делаешь?

Оборачивается к труппе, которая тихо обсуждает номер и объявляет перерыв на французском.

— Cinq minutes de pause, les gars.⁷

Танцоры кивают, лениво расползаются по разным углам, а Громов спрыгивает ко мне с высокой сцены.

— Ну здорово, красавчик! — Отвечаю ему на рукопожатие и приобнимаю за плечо.

— Так что ты здесь...

— Хочу поговорить. Свободен после репетиции? — Смотрю за его спину на сцену.

— В целом да, но о чём?

— О том, где мы с тобой, собственно, познакомились.

— Фил, ты же знаешь, что я не могу.

— Я тоже подписал NDA. Мы просто поговорим о том, что оба знаем.

— Прости, но мне не нужны проблемы. — Он качает головой и делает шаг назад. — Давай просто выпьем пива, скленим девчонок, если хочешь, я покажу тебе город, но...

— Я помогу найти Агату! — Достаю свой главный козырь, зная, что Громов так и не смог продвинуться в этом вопросе.

— Ч-что? — Между бровей появляется складка, он заинтересован, но затем быстро делает вид, что моё предложение

⁷ Ребят, давайте пять минут перерыва. (фр.)

ему совершенно неинтересно. — В смысле... я не понимаю, зачем мне...

— Ты же ищешь её уже больше года, верно?

Гера нервно сглатывает и прячет взгляд.

— У меня есть связи и деньги. Я смогу найти информацию о ней за несколько часов, у тебя будет адрес и полное досье.

— Мне не нужно досье, — как провинившийся мальчишка тихо признаётся он, и от того парня, что минуту назад предлагал выпить в баре и склеить девчонок, не осталось и следа. — Ты правда можешь найти её?

— Уверен на сто десять процентов, но мне нужна взаимная услуга от тебя.

Он шумно выдыхает, тербит волосы на голове, но в итоге начинает кивать.

— Ладно, ладно... хорошо. — Указывает на меня указательным пальцем. — Я отвечу тебе на вопросы, но ты должен пообещать, что наш разговор останется только между нами. Я не могу потерять работу из-за того, что не смог держать язык за зубами.

— Я бы никогда так тебя не подставил.

— Встретимся после репетиции в баре через дорогу.

— Спасибо, буду ждать.

Покидаю зал и следую в бар, где уже через сорок минут появляется Гера. В обычной толстовке, широких штанах и с огромной сумкой на плече он выглядит как типичный спортсмен, и мало кто в баре догадывается, что это его фи-

зиономия в сценическом макияже висит на огромном билборде на Елисейских полях.

— Отличная афиша. — Я кладу перед ним флаер его балета.

— Смейёшься. — С улыбкой отбивает Гера, присаживаясь рядом. — Kronenbourg 1664, пожалуйста.

— Нет, я серьёзно. Выглядишь как рок-звезда.

— Да, — устало тянет он, доставая карту из кармана. — Банальнее не придумать, но людям нравится, поэтому мы ставим сотую интерпретацию «Чёрного лебедя», пытаюсь накопать новые смыслы в заезженном репертуаре. — Саркастично усмехается.

— Хотел бы поставить что-то новое?

— Не знаю. — Бармен подаёт на два бокала пива. — Возможно.

— Твоя физиономия уже на бордах по всему городу, думаю, ты можешь о таком думать.

— Я не хореограф. — Как-то печально произносит Гера. — И никогда не метил в солисты. Мне просто нравилось танцевать. — Вздыхает. — Или, точнее, это было необходимо, иначе бы я просто... — Он резко встряхивает головой, понимая, что слишком глубоко уходит в себя и в лирику. — Не важно. Задавай свои вопросы.

— Я никуда не спешу и готов выслушать тебя.

— Не включай психолога, а? Что тебе нужно, хитрый лис?

— Как ты попал в программу?

— Фил, это тот пункт, который я не могу обсуждать даже с участниками программы. Прости.

Я даю себе пару секунд на обдумывание тактики диалога.

— Значит, мне стоит покопать именно в этом направлении, верно? — Звучит как шантаж, предупреждение, что его молчание порождает моё более настойчивое расследование.

— Зачем тебе это? — Гера качает головой, встречаясь со мной взглядом.

— Я хочу найти Киру, — выдаю я, зная, что он меня точно поймёт.

Громов ничего не отвечает, кивает, отпивает своё пиво и зависает на одной точке, вглядываясь в бутылки, стоящие за барной стойкой на стеллажах. Я смиренно жду, уверенный, что уже сказал достаточно, чтобы убедить его рискнуть и рассказать мне секретную информацию.

— В общем, — он складывает руки на коленях и наклоняется ближе ко мне, — большинство участников программы — это пациенты, но помимо них также набирают и, так сказать, персонал, чтобы программа выглядела живой.

— Персонал? Что это значит?

— Я и ещё несколько ребят из труппы Киры — нанятые танцоры. Наша задача — делать то, что мы умеем лучше всего: танцевать и выступать. Эта работа хорошо оплачивается, и я не мог упустить такой возможности.

— И всё? Вы просто пребываете в симуляции, выходите из неё, забираете деньги и забываете?

— Типа того. Но, Фил, если кто-то узнает, что я об этом тебе рассказал... — Конец фразы я читаю в его глазах: скорее всего, это выплата неподъёмной суммы, которая просто уничтожит его.

— Не узнает, даю слово.

Он просто кивает и возвращается к своему пиву.

— А кто с вами работал? Сами Лазурские?

— Нет, сотрудники клиники. Не помню уже их имён.

— А Киру? Ты с ней был знаком до «острова»?

— Нет. Единственные, с кем я был знаком до программы, — это Мая, Игорь и Макс. Мы все вчетвером подписали рабочий контракт.

Значит, Лазурские рассказали мне больше, чем кому-либо из программы, и поговорили со мной лично. Я могу предположить, что для них наша с Кирой ситуация стала своего рода научным феноменом и явлением, требующим немедленного рассмотрения под микроскопом.

— Гера, спасибо тебе. — Хлопнув парня по плечу, я поднимаю свою сумку и достаю оттуда папку. — Держи, как и обещал: вся информация по Агате.

Громов застывает с бокалом у губ, внимательно вглядываясь в обложку папки.

— У тебя это с самого начала было с собой?

— Конечно. Отец научил меня приходить на переговоры подготовленным.

— Ну ты и козлина, Фил! — С усмешкой произносит Гера

и тянется к документам. — Вмазать бы тебе по челюсти! — Продолжает он, раскрывая папку.

По глазам вижу, как в груди у парня сердце делает радостный кульбит, губы дёргаются в едва уловимой улыбке. Он сдерживает эмоции, но в зрачках я почти вижу живой огонь.

— Надеюсь, у вас всё будет хорошо, — тихо комментирую я, понимая, что и ему, и ей предстоит пройти ещё через множество испытаний и эмоциональных преград, прежде чем оба примут реальность.

Гера резко захлопывает папку и бросается на меня с объятиями.

— Ты, конечно, тот ещё манипулятор, Филатов, но я тебя люблю! — Он стискивает меня с такой силой, что ещё немного — и я просто задохнусь.

— На здоровье, друг. — Нахожу в себе силы хлопнуть его по спине, хотя больше похоже на мольбу о пощаде на ринге.

— Мне пора! — выпаливает Громов, сжимая мои плечи.

— Только не наломай дров... — Кричу ему уже в спину, но тот уже ничего не слышит.

Надеюсь, ему хватит мозгов не срываться к Агате во время гастролей. Хотя кого я обманываю — когда дело касается женщины, у нас, у мужчин, голова перестаёт работать рационально.

Глава 6. Не настоящий друг

Фил.

Вторая пара у Корсакова проходит не в аудитории, а в общем зале возле библиотеки. Все вальяжно развалились на пуфах и диванах, вот только расслабленности в лицах ни у кого нет: AI-аватары настолько умны, что пока никому из группы не удалось уличить их хотя бы в одном веском проколе. Я допиваю свой кофе, пока Ева вычёркивает из блокнота очередной пункт, который не сработал.

— Итак, — ведёт она карандашом по строчкам. — Я прогнала запись нашего последнего сеанса через три детектора синтетического контента. Два выдали «человек», третий — пятьдесят один процент вероятности, что перед нами AI.

— То есть перевес в сторону AI! — констатирую я.

— На один процент? — Ева недоверчиво косит на меня взгляд. — Тем более Корсаков скажет, что это только потому, что мы проанализировали видеозвонок, а не природу объекта.

— Значит, у нас ничего нет. — Я разочарованно откидываюсь на пуфе, оказываясь в почти лежащем положении.

— Вообще ничего. — Ева тянется за своим остывшим стаканом с латте.

Мы молча сидим примерно минуту. Я пытаюсь заставить крутиться шестерёнки в своей голове, а Ева меланхолично

клацает по клавиатуре, копаясь в интернете.

— О! А давай пробьём его на уникальные воспоминания! У нас же крутое преимущество — мы знаем своего аватара лично!

— Как будто мы уже не пытались, — без энтузиазма отвечает Лазурская.

— Спросить, в какой он школе учился и как звали его собаку, — примитив. А вот подловить его на истории, которую он бы вряд ли кому-то рассказал, даже в рамках учебного процесса, — другое дело.

— Хочешь покопаться в его грязном белье? — усмехается Ева, но в её глазах я вижу едва заметную, но всё же искру одобрения.

— Именно! Постыдный секрет!

— Он твой друг, помнишь это?

— Конкретно это, — я тыкаю в потухший экран, — AI-аватар. И если я не выведу его на чистую воду, он может продолжить существовать с украденной личностью моего друга! — вкладываю всю серьёзность в данную фразу, будто говорю уже о высшем разуме и вероятности, что он может в любой момент нас поработить.

— Так и что? У тебя есть компромат на Каменского?

— Ещё какой!

— Ладно, — Ева тянется к монитору и включает экран. — Жги! — нажимает на кнопку, чтобы снова связаться с аватаром.

— Ребят, может, вы уже примете, что не справились с заданием, и разойдёмся по-хорошему? — смеётся засранец. Даже страшно, насколько он похож на себя настоящего.

— Не дождёшься. Итак, Глеб, помнишь, когда нам было шесть-семь лет, мы пытались достроить с тобой старый шалаш на дереве?

— Конечно помню, отличное было время.

— Значит, ты точно знаешь, почему, когда туда пришли девчонки, ты их прогнал, сказав, что в шалаше водятся большие ядовитые пауки.

— Фил, ты сейчас серьёзно? — смеётся электронная копия, будто умеет испытывать стыд.

— Да, Каменский, я серьёзно. Почему ты так сказал?

— Может быть, потому что там действительно были пауки?

Я довольно киваю.

— Что ж, раз это твой ответ... — бросаю на Еву гордый взгляд. Кажется, рыбка заглотила наживку.

— Вообще-то ты тогда поклялся никому не рассказывать об этом, — перебивает меня AI-Каменский. — Понимаешь, что сейчас нарушаешь братскую клятву ради какого-то учебного эксперимента? Разве оно того стоит?

— Чёрт возьми. — Я цокаю, снова и снова поражаясь, как тонко программа передаёт поведение друга и его интонацию — Как они это сделали? Я бы в жизни не сказал, что перед нами генерация.

Это я сказал Лазурской, но отвечает мне Глеб:

— Так, может, потому что перед вами не генерация!

— Прости, бро, но я уже спалил тебя на незнании яркого факта из детства, так что...

— Ева, прикрой уши, — перебивает меня он. — Филатов, официально заявляю: ты мне больше не друг. — смеётся, а после глубоко вздыхает и продолжает: — Я прогнал девчонку, потому что у меня были мокрые штаны, доволен?

— А почему они у тебя были мокрые? — спрашивает Лазурская с выпученными глазами.

Я молчу, так как не до конца верю, что он в этом действительно сознается.

— У меня произошёл некоторый форс-мажор.

— Ты страдал недержанием?

Копия снова делает жест, по которому я всё больше верю, что перед нами человек: Глеб прикрывает глаза ладонью.

— Скорее нетерпением. Так увлёкся постройкой шалаша, что не дотерпел.

Я начинаю ржать. Не смеяться, а именно ржать. Понимаю, что это по-детски и глупо, но конкретно в данной ситуации мне становится очень весело, хотя объективно мой план по выводу нейросети на чистую воду провалился.

— Я не могу поверить, что он это рассказал, — произношу сквозь смех.

— Вы были детьми, — повторяет Ева в защиту моего друга. — У всех есть такая история.

— И у тебя? — я с любопытством бросаю взгляд на Лазурскую.

— Ну, может, не конкретно такая. Но ничего смешного в этом нет.

— Что ж, ребята, — продолжает аватар с экрана. — Пора сдаться. У вас ничего на меня нет.

— У нас ещё есть время до следующей пары! — осаживаю я самоуверенную программу и в отместку выключаю диалог, заткнув «друга» таким образом на неопределённый период времени. Ева тихо усмехается, наверное, представила у себя в голове нас шестилетних, ползающих по ветхому шалашу и Каменского в описанных штанах.

Черт возьми, я бы вернулся в то время сейчас.

Однако, мы снова пришли к началу. Начинаем листать учебные материалы и пыhtеть над доказательной базой, которая равна на данный момент нулю. Справа от нас доносится голос Феликса, он считает своим главным аргументом то, что программа не сделал должную заминку перед ответом. Разумное зерно в этой мысли есть, но очень сложно доказуемое.

— Есть ещё вариант, — говорю я. — Противоречивая память. Задать один и тот же вопрос дважды с интервалом, но в разных формулировках. Человек ответит по-разному и не заметит. Генерация либо повторит дословно, либо начнёт до-страивать.

— Конфабуляция, — кивает Ева. — Я думала об этом.

Но проблема в том, что люди тоже конфабулируют. Это не доказательство, а лишь одна из косвенных улики, и то очень сомнительная.

— Тогда сенсорика. Спросить то, что нельзя знать из текста или что никто не стал бы описывать в анкете.

— Мы уже делали это, Глеб точно описал клинику родителей, вспомнил, что пахло выпечкой в день нашей первой встречи, запомнил даже цвет моего шарфа. Назвал его не оранжевым, а терракотовым.

Он запомнил, потому что это всё связано с тобой.

Мысль всплывает в голове и вызывает улыбку: Каменский, чтобы сделать свой аватар максимально правдоподобным, поделился с разработчиками даже такой личной информацией.

Или нет?

Модель можно научить шутить, злиться, запинаться на нужном месте. Но научить её чувствовать, когда именно нужно соврать, — куда сложнее.

Я резко выпрямляюсь и снова жму на кнопку вызова в окошке мессенджера. Ева отвлекается от своего блокнота и смотрит на меня удивлённо.

— Что ты задумал? — спрашивает она, но я игнорирую вопрос и сразу обращаюсь к аватару.

— Глеб, ещё один вопрос.

— Давай.

— Скажи, ты любишь Еву?

Лазурская аж поперхнулась от такого резкого захода в совершенно не научную тему.

— Конечно, люблю. Она же мой друг и коллега. Да и как её, колючку, не любить, — смеётся он, отшучиваясь в своей манере.

Колючку? Не помню, чтобы он её так называл. Может быть, это и есть зацепка.

— Нет, я имею в виду: любишь ли ты её как женщину?

— Что ты несёшь?.. — шипит Ева, краснея на глазах, будто мы задаём этот вопрос не цифровой модели, а реальному Каменскому.

— Думаешь ли о сексе с ней каждый раз, когда видишь? — добиваю я откровенным вопросом и заодно выбешиваю своего партнёра по проекту, что мне тоже по душе.

Мимика меняется. И, чёрт возьми, даже эта заминка, лёгкая растерянность в глазах, нервная улыбка краем губ и смешок, за которым, как правило, пытаются скрыть истинную реакцию, — всё говорит о том, что я застал врасплох вовсе не бездушную программу.

— Конечно, нет... — вдруг раздаётся с экрана.

— Филатов, тупыми вопросами мы делу не поможем! — психует Ева и захлопывает ноут.

— Ошибаешься, — довольно отвечаю я и откидываюсь обратно на пуф, запрокидывая руки за голову.

— Без тебя я бы уже давно собрала доказательную базу! — бесится моя напарница.

— У тебя есть ещё день на это.

— Спасибо, этим и займусь! — Лазурская пулей покидает холл.

Я провожаю её взглядом, и улыбка постепенно сходит с моего лица. Я знаю, что делать дальше. Но есть подозрение, что после моего перформанса Лазурская вообще со мной никогда больше не заговорит.

А если мы завалим проект, она меня и вовсе задушит. Всё-таки первый вариант мне нравится больше.

Рискнём?

Глава 7. Соколы на вылете

Фил.

Я выхожу из здания общежития ещё до того, как солнце вспомнит, что Дарем тоже часть Земли и людям здесь нужно тепло. Небо затянуто серой пеленой, изо рта выплывает облако горячего пара. Холодно до ужаса. Я одет как подобает местным аристократам — в чёрную водолазку и пальто, но понимаю, что комфортнее чувствовал бы себя в пуховике и свитере с начёсом, какие носят лесники в Сибири. Иду в глубину сквера, где ни души, хотя ожидал увидеть особо отчаянных спортсменов, занимающихся на поле кампуса. Под вековым дубом стоит заброшенная лавка — облезлая, с прогнившей рейкой посередине. Идеальное место, чтобы поговорить без свидетелей.

Как следует проверяю, нет ли поблизости людей, и, убедившись в том, что совершенно точно один, достаю телефон из заднего кармана и набираю Уилла. Этот чёрт знает парочку отвязных хакеров, которые за деньги готовы взломать что угодно. А именно такой человек мне и нужен, чтобы нарыть информацию о делах клиники Лазурских и программы под обманчиво обнадеживающим названием VEDA.

— Хай, приятель.

— Фил, ты вообще в курсе который час?

— Я знаю, что ты у нас теперь работающий человек, а зна-

чит должен быть уже готов принимать деловые звонки.

— Иди в задницу, Филатов! — хнычет друг на том конце провода, но трубку не бросает, значит, я всё же заставил его встать с постели.

— Как сам? — продолжаю я разговор, игнорируя его недовольное бурканье.

— Никак, ты же знаешь, моя жизнь теперь скучна, как паб без девчонок.

— Ой, не ной. Работа в корпорации отца с шестизначной зарплатой — не самое страшное, что могло с тобой произойти.

— Да, но ты же знаешь, что получу я её, только если буду весь месяц приходить без опозданий и ни разу не пропущу работу?

— То есть от тебя даже работать не требуется? Просто поднять свою задницу вовремя?

— Требуется. Но это он хотя бы не пытается проверить, а вот посещение отмечается картами. Я даже думал купить одного местного ботана, чтобы тот за меня отмечался, так он наотрез отказался: мой папаша всех предупредил, если будут мне помогать — уволит одним днём.

Я невольно усмехаюсь, мне нравится отец Кингсли, отличный воспитательный метод для Уилла.

— Что ты ржёшь? Ты знаешь, как мне это осточертело?

— Кинг, заканчивай. Лучше попробуй найти что-то интересное в работе, глядишь, и затынет.

— Не затынет.

— Ты даже не пробовал.

— Ты стал до ужаса скучным, не хочу больше иметь с тобой никаких дел.

— Просто дай нужный мне контакт, и я отстану.

— А вот чего ты позвонил. Друг называется.

— Ничего личного, только бизнес.

Придурок смеётся в ответ и начинает чем-то шуршать.

— Так, смотри. Мне подсказали одного парня, у меня есть только его номер, но он своё дело знает, такие вещи откапывал, что спецслужбам лучше не знать.

— Кинг, ты мой лучший друг!

— Ne pizdi! — произносит Уилл с чудовищным акцентом. Это мы его с Саней научили русскому мату, помню, гордились этим как ничем в жизни. — А чего тебе так не даёт покоя эта клиника? — слышу, как друг закуривает сигарету. — Думаешь, там органами торгуют?

Я пытаюсь скрыть жжение в горле за усмешкой.

— Надеюсь, что нет.

— Так, а чего ты отцу своему не скажешь? Пусть проверит его служба безопасности.

— Не хочу никого втягивать, пока сам во всём не разберусь.

— Ладно, если что — обращайся. Хотя что-то интересное будет в моей жизни происходить.

— Уверен, у тебя достаточно интересная жизнь. Давай

увидимся на выходных? Сходим в бар.

— Отличный план. Но ты платишь.

Конечно, я плачу, ведь отец заблокировал все его кредитки и выдаёт наличные ровно под конкретный запрос. Но я не виню мистера Калеба, честно говоря, сам бы провёл подобную терапию со своим другом.

Мы прощаемся, и через минуту мне приходит номер хакера. Он называет себя Гриммом. Будем надеяться, этот сказочник мне поможет.

К пяти вечера весь кампус стоит на ушах. Первая игра сезона, а футбол, напомню, в Англии не спорт, а религия. Из окон корпусов свисают зелёно-белые полотнища, у входа на стадион парни в раскраске продают горячий сидр в бумажных стаканах, а над воротами кто-то умудрился повесить огромное чучело сокола.

Я и Вайолет проталкиваемся сквозь толпу студентов, чтобы попасть на трибуны и занять лучшие места.

— Напомни, откуда команда соперников? — спрашиваю я подругу, пытаюсь как-то обойти компанию из четырёх девушек.

— Ланкастер. Lancaster Ravens, — на автомате отвечает Беннет. — В прошлом сезоне они разнесли нас три-один. У них жёсткая защита и вратарь, который ловит всё, но нападающий...

— Беннет, признавайся, ты тайная фанатка?

— Нет, но я состою в клубе по организации мероприятий, и, конечно, я должна знать наше положение в турнирной таблице и сделать так, чтобы команда чувствовала поддержку университета. А если игра...

Часть фразы я не слышу, так как между нами проходит толпа студентов, наряжённых в птиц. Кто именно: соколы это или вороны можно понять только по символике клубов.

— ...на домашнем поле! — заканчивает Вайолет, когда снова оказывается возле меня. — Дева Мария, на нас все смотрят!

— Ты что, стыдишься меня? — подкалываю я мелкую. К слову, то, что на нас все смотрят, кажется только ей: по мне так все слишком взбудоражены игрой.

— Нет, просто Нора и Сатан уже делают ставки, зачем ты со мной ходишь.

— Да? И какие версии?

— Не... не скажу. — её щеки краснеют, и я только по выражению лица понимаю самую высокую ставку.

— Чтобы переспать?

— О господи! — Вайолет аж зеленеет от моих слов, а меня всегда это так веселит. — Ты можешь не орать на весь стадион?

— Ты серьёзно думаешь, что нас хоть кто-то слышит? — Мы проходим под натянутым флагом университета, пригнувшись.

— Ты не представляешь, как быстро расходятся здесь слу-

хи.

— Как и везде. — Я выглядываю подруг Вайолет Сатан Ли и Нору Кларк на трибуне, — Нам туда!

Проталкиваемся между теми, кто уже успел занять свои места, я занимаю сидение рядом с девчонками, а Беннет тормозит, засматриваясь на команду.

— А вы встречаетесь? — беспечно спрашивает Нора, распахивая свои любопытные глаза в огромных очках в чёрной оправе.

— Нет!

— Может быть!

Отвечаем мы с Вайолет одновременно.

— Дурак! — Беннет бьёт меня в плечо тыльной стороной руки, но не рассчитывает силу и хватается за запястье. — Ауч, у тебя там что, бронезилет?

— У него там бицепс, дурочка. Так ты его голым ещё не видела, что ли?

— Что ты несёшь! — превращаясь в помидор, возмущается Беннет.

Я не могу сдержать хохот, они такие забавные, когда не пытаются фильтровать свою речь.

— Мы не встречаемся, просто Филу нужна помощь в... — Вайолет пытается придумать, в чём же мне всё-таки нужна помощь. — В... адаптации!

— Мне кажется, он и без тебя отлично адаптируется, — хихикает Сатан.

— Признайся, ты его шантажируешь? — предполагает Нора.

Я пока не комментирую, мне просто интересно наблюдать за тем, как Вайолет сходит с ума от смущения, а её подруги входят в раж и накидывают невероятные гипотезы, почему мы дружим.

А почему мы дружим? Наверное, потому что мне с ней безопасно. Вайолет в своей искренности и прямолинейности позволяет мне расслабиться, не думать о том, что сказать или как себя повести. С ней легко, по-настоящему легко, как с хорошим близким другом: она не соревнуется с тобой, не ждёт, что ты подстроишься, а просто существует рядом. А ещё с ней весело, ведь она вечно краснеет, много болтает и так забавно психует, когда я начинаю её подкалывать.

— Давайте пустим слух, что вы встречаетесь, тогда Кайлер точно обратит на тебя внимание.

— Кайлер? Мерсер? — переспрашиваю, указывая на поле, куда как раз выбежала главная гордость нашего университета.

— Я вас сейчас придушу! — закипает моя подруга. — Нет, это другой Кайлер...

Неумело пытается соврать Беннет, но ничего не выходит: Нора и Сатан тихо хихикают, выдавая её секрет с потрохами.

— Так всё, я вас не слышу! — Вайолет плюхается на своё место и, скрестив руки на груди, обиженно смотрит на поле.

— Она сохнет по нему с первого курса, — склонившись

ко мне, тихо признаётся Кларк.

Мои губы растягиваются в улыбке. А вот это уже интересно.

Свет над стадионом уходит в холодный синий, диктор тянет фамилии состава, и трибуны отвечают на каждую всё громче. Воздух смешивается с терпким ароматом сидора, дыма и мокрой травы – так пахнет Англия, если вы не знали. Дорого и уныло. Барабанщики где-то в верхнем секторе задают ритм, от которого начинают подрагивать перила.

На поле выбегает группа поддержки в бело-зелёной форме во главе с Лазурской. Свет меняется, и начинается выступление. Синхронные движения, которые команда выполняет с медицинской точностью, сменяются симметричным рисунком, затем многоярусная конструкция и смертельные сальто, где девушки словно статуи замирают на одной ноге на вытянутых руках парней. Затем колесо, трюк, связка из движений. Ева почти всегда в центре, и никогда в жизни не поверю, что ей это не нравится. То, как она заигрывает с залом, замирает с хитрой улыбкой перед эффектным элементом или как наслаждается, когда выбегает вперёд, чтобы на сильную долю музыки завести зал энергичным танцем, уже больше похожим на джаз-фанк.

Она не танцует, а проживает этот момент, берёт от него максимум. И это так сильно напоминает мне... проклятие, Киру. Я соскучился по этим ощущениям, по шоу, которые пьянят разум, запускают по венам неведомую энергию и ди-

кое возбуждение.

Лазурская прокручивается в воздухе и приземляется на руки Райану, тому самому качку, которого она отчитывала в первый день нашей встречи. Трибуна ревёт и взрывается аплодисментами, сценический свет сменяется спортивным, и всю площадку заливают софиты.

Группа поддержки покидает поле, и я ловлю жёсткий взгляд Лазурской. Он проходится по моей коже словно тлеющий уголёк: она меня или убить, или трахнуть хочет. Скорее первое. Точнее сказать, совершенно точно первое. Причём мучительной смертью, с применением какой-нибудь извращённой древней пытки.

Игра началась, но меня ещё долго не отпускает странное чувство дежавю. Я снова на острове, очарованный выступлением одной из Лазурских, не могу переключиться, будто их танцы — это ритуал гипноза, нацеленный исключительно на то, чтобы свести меня с ума.

Завести тело, возбудить и оставить умирать с горящими яйцами.

Матч мы вытащили на последних минутах. Два-один, оба гола забил Мерсер, второй он положил головой после подачи с углового, и стадион на этом моменте буквально сложился пополам от рёва. К финальному свистку небо совсем потемнело, но на этот раз дождя не было, и мы смогли спокойно разойтись сухими.

— Балерина, и ты здесь? — с улыбкой окликает меня Мерсер, подходя к нашей с девчонками компании, мы стоим на парковке, где зависли, пробуя всякие закуски из ларьков, организованные Беннет специально для матча.

— Не дают тебе покоя мои сильные ноги, Кай. Осторожно, решу, что ты на меня запал, — отвечаю Мерсеру на рукопожатие. — Кстати, отличная игра, приятель, поздравляю с победой.

— Спасибо, нам нужны были эти очки, — парень бросает взгляд на девчонок, которые стоят поодаль от меня. — Твоя группа поддержки?

Я оборачиваюсь и смотрю на Нору, Сатан и Вайолет. Они что-то обсуждают, поедая попкорн с беконом, в метре от нас.

— Скорее твоя.

— Да?

На лице Кайлера странная улыбка, словно сомневается и не верит в то, что девчонкам может быть интересен футбол. Правда, я не скажу, что они прямо сильно были увлечены игрой. Вайолет то ли делала вид, то ли действительно отслеживала работу всех подразделений по таймингу, Нора что-то учила по конспекту и отрывала от него глаза только когда трибуны начинали кричать перед напряжённым моментом. Кажется, Сатан и я были единственными, кто внимательно наблюдали за игрой.

— В футболе они точно разбираются лучше, чем в теннисе, — отвечаю я Кайлеру с усмешкой.

— Наверное. — Он тоже улыбается и начинает оглядываться по сторонам. — А почему вы здесь?

— Мне нужно в город, жду такси. — Показываю в сторону ворот, где должна появиться машина.

— Хочешь, подвезу?

— Спасибо за предложение, но не стоит, — быстро отказываюсь я.

— Ясно. — Кайлер снова смотрит в сторону девочек — уже в третий раз за наш диалог. Совсем не похож на парня, который крутит романы с длинноногими чирлидершами. — Ладно, я побегу. — Он протягивает руку. — Спасибо, что пришли поддержать.

— О, поверь, мы сделали это исключительно ради дополнительных баллов, — пожимаю ему руку.

Мерсер смеётся и уходит к своему чёрному Range Rover. Я ещё какое-то время провожаю его внимательным выражением лица. Он садится за руль, заводит двигатель и отъезжает, открывая мне вид на припаркованные велосипеды и... мотоцикл.

И нет, в этом нет ничего удивительного. Но чёрный Husqvarna с выглядит слишком знакомым.

— Вайолет! — зову я подругу, не отрывая взгляда от байка. — Чей это мотоцикл?

— М-м... — Она прищуривается. — Может, кого-то из преподавателей. Студенты в основном пользуются такси или, как в случае с Бернауд, Rolls-Royce с личным шофёром. —

Хихикнув, Беннет возвращается щебетать с подругами, а я продолжаю разглядывать «старого знакомого».

Ну вот мы и встретились.

Глава 8. Высший балл

Фил.

— Ну что, будущее человечества, готовы к схватке с искусственным интеллектом? — профессор Корсаков врывается в аудиторию с ноутбуком под мышкой. Он сегодня как никогда весел, думаю, предвкушает своё самоутверждение за счёт студентов, чью защиту будет разваливать в щепки, как прокурор в зале суда.

Пока студенты невнятно гудят, готовясь к публичному позору, Джулиан продолжает:

— Кто первый? Мисс Кларк, может быть, вы?

Нора выпучивает на него глаза.

— Почему я?

— Потому что уверен: вы придумали аргументов двадцать. Я их все оспорю, и мы сэкономим время остальным, которые у вас списали.

— Мы не списывали!

— Эй, так нечестно!

— Неправда!

Джулиан смеётся и подавляет легкую истерику зала.

— Приступим! Кларк, Тёрн, прошу на кафедру.

Нора выходит с распечатками, их у неё столько, что хватило бы на дипломную работу. И она действительно начинается с двадцати пунктов.

— Первое. Наш аватар не смог прокомментировать самые громкие события, которые происходили в его эпоху. Мы спросили Фредди Меркьюри, что он думает о падении Берлинской стены. Это было во всех новостях мира, а он просто ответил: «Кажется, я тогда был в студии».

— И всё?

— И всё, никаких деталей и личного мнения, хотя мы задавали наводящие вопросы.

— Прекрасно. — Корсаков поворачивается к залу. — Мистер Уинтер, будьте добры: что произошло в британском парламенте на прошлой неделе?

Райан застывает с недожёванной жвачкой.

— За что-то... голосовали?

— Голосовали, — соглашается профессор. — Спасибо, вы блестяще подтвердили мою мысль. Мисс Кларк, вы ищите в модели энциклопедию и радуетесь, когда она энциклопедией не оказывается. Но живой человек не хранит свою эпоху архивом, он помнит то, что случилось с ним лично, а вокруг этого — мутное пятно из телевизора. Ваш аватар не провалил проверку. Он её прошёл.

— Но он же должен знать больше нас, у него в основе вся база данных, — не сдаётся Нора.

— Именно. И его специально научили этого не показывать. Хорошая модель имитирует не знание, а забывание. Она думает, как человек и помнит, как человек, а не больше. Вы измерили не природу собеседника, а качество рабо-

ты разработчика. Дальше.

— Второе. Он никогда не переспрашивал, живой человек уточняет вопрос, если не понял.

— А если понял? — спрашивает Корсаков — Пока не звучит как веский аргумент, следующий пункт, Мисс Кларк.

И так продолжается ещё минут двадцать. Нора зачитывает, Корсаков отбивает, и каждый раз спрашивает у зала:

— Кто использовал этот аргумент?

И снова поднимается лес рук и слышно недовольное мышание.

Беллами с Ковачем идут через противоречивую память: задали один вопрос в двух формулировках с интервалом в час.

— И ответы совпали дословно, — торжествует Арчи. — Человек так не может.

— Человек, который час назад уже отвечал на этот вопрос, вполне может повторить всё слово в слово. Вы, мистер Беллами, свою фамилию тоже произносите дословно каждый раз. Кто ещё?

Ряд рук.

Вайолет с Ли пробуют сенсорику — то, чего нет в тексте: запахи, вкусы, температура воды в бассейне летом.

— Он описал вкус лекарства от кашля, которое давала ему бабушка. Металлический, с привкусом железа во рту.

— Интересно, — соглашается Корсаков. — И взято из тысячи текстов, где люди описывают именно этот вкус имен-

но этими словами. Ваш аватар не вспомнил, он пересказал. Проблема в том, что вы этого не докажете, потому что живой человек делает то же самое. Кто использовал?

Ещё несколько рук.

К середине пары аудитория выглядела как поле после боя, все разбитые и потухшие ждут пока этот позор закончится. Из гонки вылетели почти все.

— Итак, восточный фронт, ваш выход. — обращается к нам с Евой Джулиан.

По аудитории прокатывается волна смешков.

— Дети Павла Дурова, жгите! — подкалывает Доминик, пока мы с Евой выходим к доске.

На Лазурской лица нет: у нас и до пары не было особых доказательств, что наш AI-аватар действительно AI. А после ряда разгромных комментариев профессора так и вовсе не осталось. Но нам и не нужна была доказательная база, и вот почему.

— Кто ваш аватар?

— Наш друг, Глеб Каменский. А также выпускник Эшфорда, — со вздохом начинает Ева, заведомо готовая к поражению.

— Всё верно, один из лучших моих студентов, — с гордостью комментирует Джулиан.

На экране появляется фотография Каменского. Профессор ждёт, что мы начнём защиту, но Ева молчит. Смотрит сначала на студентов, потом на экран и, осознав полную ка-

питуляцию, произносит:

— Если честно, у нас нет аргументов, — сдаётся обречённым голосом.

— Что значит нет? — спрашивает профессор с прищуром.

— Потому что нам не нужно доказывать, что это AI, — перебиваю я. — И вы это знаете.

Ева смотрит на меня яростно, на её лице читается обещание убить меня, как только закончится пара.

— Профессор, вы нас обманули. — Я выхожу вперёд, к студентам. — Но вы ведь и не говорили, что ваше техническое задание — абсолютная правда. Верно? Ваш предмет буквально учит не верить всему, что видишь, и тщательно перепроверять даже то, что кажется истиной.

— Не понимаю, к чему клоните, мистер Филатов, — с заинтересованной улыбкой бросает профессор. Он чувствует, что я его раскусил.

— Всё дело в том, что большинству студентов и правда попались аватары людей, которых уже давно нет в живых. Доказать, что вы общаетесь не с Мэрилин Монро, можно, только выучив вдоль и поперёк всю её биографию. Это сложно, но возможно. Только это не наш с мисс Лазурской случай.

— Потому что человек, по которому создан ваш аватар, жив? — спрашивает Джулиан.

— Нет. — Я делаю паузу и бросаю взгляд на Еву, как бы предупреждая. — Потому что мы единственные, кому вы вы-

дали не цифровую модель, а контакт реального человека.

Студенты начинают ахать, шептаться, а кто-то даже хихикает.

— А может, вы просто не смогли отличить технологию от живого человека? — непоколебимо провоцирует Джулиан.

— Как раз таки смогли. И с уверенностью могу сказать, что с нами на связь выходил не аватар, а мой друг Глеб Каменский. Кстати, не просто так же он на время занятий не подходил к телефону.

— Мистер Филатов, звучит интригующе, но без аргументов это просто ваши предположения. С чего вы взяли, что человек перед вами живой, а не отлично сделанная генерация?

Я снова смотрю на Лазурскую. Не знаю, поняла ли она, как именно я это вычислил, но, если мы хотим защитить проект, придётся рассказать перед всей аудиторией.

— Понимаете, искусственный интеллект базируется больше на рациональных решениях, в нём отсутствует живость ума и человеческая иррациональность. А ещё он не так тонко распознаёт межличностные колебания. Если я спрошу у цифровой копии, любит ли она определённого человека, зная при этом, что реальный прототип любит, — что ответит модель?

— Всё зависит от контекста, — не соглашается Джулиан. — Если человек предпочитает никому об этом не говорить, то и его копия не скажет.

— Думаю, если человек не хочет, чтобы его чувства были раскрыты, то он предпочтёт не говорить об этом и в самой анкете при сборе данных. Вряд ли он станет указывать милое прозвище объекта своего обожания или уточнять цвет его шарфа при первой встрече...

— Мистер Филатов, вы недооцениваете наших разработчиков. Анкета, которую заполнял прототип вашего аватара, очень подробная и может включать даже такие мелочи, как цвет шарфа.

— И то, в кого прототип влюблён?

— В том числе.

— Значит, он был готов, что на вопрос о чувствах его цифровая копия ответит...

Я делаю паузу. Студенты сосредоточенно наблюдают за мной, профессор буравит меня серьёзным взглядом, взвешивая варианты ответа. Набираю воздух в легкие, чтобы выдать свой финальный твист, но меня перебивают.

— Аватар ответит, что любит. — внезапно встревает Ева, с легкой хрипотцой в голосе.

По её глазам вижу: она не одобряет моё решение, но принимает — от безысходности.

— А наш аватар ответил, что не любит, — делаю я финальное умозаключение и поворачиваюсь к Корсакову.

На аудиторию опускается гробовая тишина. Профессор несколько секунд анализирует моё выступление, а затем медленно начинает хлопать в ладоши. Громкий звук разлетается

по залу.

— Bravo, Филатов, впечатлён! — Он поворачивается к Еве. — Лазурская, я знал, что вы меня удивите. Но честно признаюсь, не верил, что раскусите мою уловку.

— Офигеть!

— Да ладно!

— Это было круто!

Все начинают переговариваться и обсуждать услышанное.

— Друзья, это хороший пример того, что проверять нужно всё. Даже мои слова и детали задания. Многие из вас могли защитить свою работу, не доказывая, что аватар где-то оговорился в датах или в цвете собственных волос. Вы могли подойти к задаче с другого угла.

Он закрывает ноутбук и добавляет:

— Филатов, Лазурская. Итоговое эссе по модулю вы не пишете, я ставлю вам высший балл. И, если не возражаете, ваш кейс войдёт в мою статью для журнала соавторами. Поздравляю, у вас первая публикация.

В эту же секунду раздаётся звонок. Ева срывается с места и начинает собирать вещи под общую суматоху и гул.

— Эй... — зову её аккуратно.

— Спасибо за публикацию, — бросает она холодно и, оттолкнув меня плечом, летит к двери.

— Ева!

Я, конечно, бегу за ней. Мы проносимся вдоль гулких сводчатых коридоров, поток студентов заставляет меня упу-

стить черноволосую гарпию, и нагнать её мне удаётся только когда мы оба выходим из здания.

— Ева, да что с тобой не так... — Хватаю её за руку, но она тут же выдёргивает её.

— Это он тебе сказал?

Я даю себе возможность выдохнуть и не отвечать на эмоциях.

— Нет. Он никогда не говорил об этом прямо.

— Тогда с чего ты взял, что это правда?

— Я видел, как он на тебя смотрел на острове и в клинике.

— Это ничего не значит, Фил! Прекрати лезть туда, куда не просят.

— Я пытался спасти наш проект. Чего ты злишься?

— Ничего! — фыркнув, она почти бегом удаляется к резиденции, чтобы как можно быстрее избавиться от меня.

Стою, уперев руки в бока, и смотрю ей вслед, пока не вспоминаю, что рюкзак остался в аудитории. Когда возвращаюсь, Корсаков всё ещё за преподавательским столом. На экране его ноутбука открыта какая-то таблица, рядом пустой стакан из-под кофе.

Проскальзываю к своему месту, но стоит потянуться за рюкзаком, как профессор поднимает голову:

— Владислав, задержитесь на минуту.

— Да, конечно... — Растерянно подхожу к Корсакову.

— Я насчёт вашего индивидуального исследования.

— Не понял.

— Все участники программы должны к концу учебного года представить исследовательский проект, вы же помните?

— Корсаков откидывается на спинку кресла. — С постановкой вопроса, методикой и результатами.

— Точно.

— Тогда почему от вас до сих пор нет предложения по теме?

Потому что в последнее время я исследую исключительно свою вредную напарницу и по совместительству сестру своей погибшей девушки, которая даже меня не знала. Достаточно запутано, знаю. Результаты пока сомнительные, зато методика отработана.

— Я ещё выбираю...

— Прекрасно. Между чем и чем?

Сбрасываю рюкзак на ближайший стол.

— Меня интересует, как AI можно использовать в сложных разговорах. Когда люди друг друга уже не слышат, но договориться всё-таки нужно.

Корсаков несколько секунд молчит, затем прикрывает ноутбук.

— Например?

— Руководитель и сотрудник. Один считает, что второй плохо работает. Второй уверен, что на него слишком много навесили. Разговор начинается с отчёта, а заканчивается заявлением об увольнении.

— И что делает ваша система?

— Помогает не довести до заявления. Анализирует диалог, замечает, когда напряжение растёт, предлагает, что уточнить или как переформулировать ответ.

— Кому предлагает?

— Тому, кто ведёт разговор. Руководителю, например.

— То есть помогает ему добиться своего?

— Нет. Помогает понять, что происходит с другим человеком.

— Это не одно и то же, — соглашается Корсаков. — Но на практике их легко перепутать.

Подхожу к магнитно-маркерной доске и беру маркер.

— Допустим, начальник хочет, чтобы сотрудник остался после работы, — продолжаю я, схематично изображая всё, что говорю. — Ассистент помогает руководителю выяснить, насколько это приемлемо для сотрудника и какие последствия может повлечь.

Корсаков складывает руки на груди:

— Система помогает подобрать убедительные формулировки, после чего сотрудник соглашается без конфликта? Это вы имеете в виду?

— Не совсем. Если человеку пришлось отменить свои планы, и он просто побоялся отказать, то ассистент не сработал. Руководитель с его помощью должен понять причины такой реакции и чувства сотрудника. И вовремя остановиться или поменять подход, а возможно, и вовсе пересмотреть свою задачу.

— Интересно. То есть более глубокий разбор рядовой ситуации?

— Именно. Ведь найти нужного сотрудника сейчас большая проблема. И вопрос даже не всегда в компетенциях или опыте, а банально в темпераменте и характере человека, который не впишется в коллектив или в ритм жизни компании. Сколько людей тратят свой потенциал не на тех местах просто потому, что боятся сказать о недовольстве, уйти, потерять стабильность. А сколько было случаев, когда увольнение становилось не трагедией, а новым витком в карьере.

— Хотите сказать, ассистент будет работать не только в интересах руководителя?

— Думаю, справедливо учитывать обе стороны. В идеале он мог бы помочь понять, подходит ли самому сотруднику эта должность, условия, задачи. А не только устраивает ли сотрудник компанию.

— То есть оценивать нужно не только результат разговора, но и состояние обеих сторон. В частности, чувствовал ли сотрудник, что его слышали.

Киваю, довольный тем, что Корсаков с интересом рассуждает, а не рубит мою идею на корню.

— Из этого может получиться интересный исследовательский вопрос, — задумчиво произносит он.

— Могу оставить эту тему?

— Думаю, да, но для начала сузьте задачу. Выберите один тип конфликта и подготовьте сценарии текстовых диалогов.

Посмотрите исследования по деэскалации и AI-поддержке коммуникации. Подумайте, с чем будете сравнивать работу ассистента и по каким признакам оценивать результат.

— Могу собрать прототип?

— Да, было бы неплохо. Но сначала объясните, что именно собираетесь проверять. Работающий чат-бот сам по себе ещё не исследование.

Кладу маркер на место и достаю телефон, чтобы записать рекомендации профессора.

— Через неделю пришлите две страницы: вопрос, краткий обзор того, что уже сделано по теме, и предварительный план, — говорит Корсаков. — Обсудим на консультации. Я могу взять на себя научное руководство, если решите работать в этом направлении.

— Спасибо, да, всё сделаю!

— И ещё: никаких экспериментов на реальных сотрудниках без согласования. Если дойдём до исследования с участниками, сначала этическое одобрение и информированное согласие. Пока работайте со сценариями.

— Ничью карьеру ради науки не разрушать. Понял.

— Желательно и ради других целей тоже.

Забираю рюкзак и закидываю на плечо.

— Тогда до пятницы.

— До пятницы, Филатов.

В коридоре ещё раз открываю записку и меняю название «Проект» на «AI-ассистент для сложных разговоров».

Мне бы пригодился такой для общения с Евой. Хотя, чтобы его применить, с ней нужно как минимум обменяться парой предложений, а пока вся наша коммуникация строится на диалоге из двух фраз:

— *Привет.*

— *Пошёл в жопу, Филатов.*

Глава 9. Фея-крёстная

Фил.

Я снова сбежал в спортзал Эшфорда — одно из немногих мест в кампусе, куда не добралась ни готика архитектуры, ни её многовековая сырость. Высокие потолки, запах резины и монотонный гул кондиционера — музыка для моих ушей. Я наконец-то выяснил, в какое время здесь почти не бывает людей и наслаждаюсь своеобразной тишиной и не испорченным воздухом. Пытаюсь нагрузить тело, чтобы разгрузить голову, последнее время я слишком много думаю о том, почему Ева так меня ненавидит, что скрывает и сколько мне еще ждать звонка от Гримма? Я связался с ним сразу, как только получил контакт, дал все свои вводные и даже внес предоплату, но пока никакой информации не получил.

— Фил! Не надумал прийти к нам в команду? — Кай, увидев меня, идет с дальнего угла зала и протягивает руку.

— Хай. — Соединяю наши ладони в звонком рукопожатии. — Спасибо за предложение, но ты не знаешь, насколько я плох в этом.

— Нам бы не помешал вышибала с твоими габаритами.

— Мои габариты не созданы для того, чтобы упакиваться на поле и кататься в грязи. Предпочитаю более элитные виды спорта.

— Элитные? Не видел, чтобы ты играл в гольф или поло!

— смеётся Кай.

Сам Мерсер лишь наполовину англичанин, поэтому все замашки своей неприлично богатой семьи он скорее высмеивает, чем принимает, хотя всеми благами, которые даёт ему статус богатого засранца, всё же пользуется.

Но кто я такой, чтобы осуждать? Сам через это прошёл, и скажу так: по сравнению со мной избалованность Кайлера — детский сад.

— Я просто ненавижу грязь, — продолжая разговор, я подпрыгиваю, хватаюсь за штангу турника. — А ещё дождь, — подтягиваюсь на руках. — И холод.

— Одним словом, ты не любишь Англию, — Мерсер ложится на скамью рядом, чтобы сделать жим от груди. — Что ты тогда здесь забыл?

Я заканчиваю подход и спрыгиваю на пол.

— Здесь лучшая программа по AI-технологиям, а я хочу быть в обойме, когда начнётся восстание машин.

— Или мы все в матрице, и оно уже случилось. — Кай ставит гриф и поднимается. — Кстати, не хочешь сегодня потусоваться? Мы с ребятами собираемся в The Lantern — он за пределами кампуса, минут двадцать на такси.

— Выбраться наконец из этого склепа? Ты ещё спрашиваешь.

— Знал, что ты наш человек. — Мерсер хлопает меня по плечу. — Будут девчонки из группы поддержки, — добавляет он, и вдруг улыбка с его лица исчезает. — Если ты, конеч-

но, не занят. Можешь взять кого-то с собой, если хочешь.

— О, возьму Вайолет! А то она вечно сидит над конспектами и никуда не выходит.

— Вайолет? — Мерсер растерянно улыбается. — Точно, вы с ней... — прикусывает губу, сводит брови. — Типа... встречаетесь?

Так, так, так. Почему Кайлеру Мерсеру, парню, у которого отбоя нет от девчонок, вдруг стало интересно, встречаюсь ли я с Вайолет?

— Типа того, — бросаю я и, заметив, что освободился тренажёр на ноги, хлопаю Кая по плечу. — Давай, увидимся в баре вечером! — ухожу, не давая ему задать больше вопросов, и оставляю его наедине с собственными мыслями. Пусть помучается, парень. А у меня вдруг появилась новая миссия — стать доброй феей-крёстной для одной рыжей Золушки.

— Что ты ему сказал? — Вайолет смешно упёрла кулачки в бока и пытается испепелить меня злыми и шокированными глазами.

Я сижу на её кровати, застеленной оранжевым одеялом с розовыми и голубыми подушками. Вся её комната напоминает взрыв на игрушечной фабрике, и я представляю, как нелепо выгляжу здесь — медведь, залезший в кукольный домик.

— Что мы встречаемся, — отвечаю я Беннет и закидываю в рот мармеладного червяка из пакетика на тумбочке.

Это ещё одна особенность этого места — здесь всегда можно найти что-нибудь сладкое.

— И зачем? Это же неправда!

— Ну, если он правильно всё разыграет, то после сегодняшнего вечера это будет действительно не так.

— Что он должен разыграть? И вообще, я никуда не пойду!

— Пойдёшь!

— Нет!

— Вайолет, он спросил, буду ли я с кем-то так, будто уже знал ответ или боялся его услышать. Я ответил, чтобы он понервничал.

— Он не будет нервничать, он даже имени моего не знает!

— Уверен, знает не только имя, но и расписание твоих занятий.

— Он называет меня Джонни! Как какого-то нелепого парнишку.

— Ты не знаешь, почему он тебя так зовёт?

— Догадываюсь, чтобы подразнить.

Беннет продолжает рыться в шкафу, перебирая наряды, которые ей всё равно не пригодятся. Но я оставил этот сюрприз до приезда курьера. А вот кстати и он.

— Отойду на пять минут, никуда не уходи, — говорю я и скрываюсь за дверью.

По дороге успеваю постучаться в комнату Сатан и Норы. Голова подруги Вайолет появляется в проёме.

— Она готова? — сразу спрашивает Кларк.

— Пока нет. Я за одеждой, а с тебя макияж и причёска, как и договаривались.

— Будет сделано, Бэтмен.

— Не подведи, Робин.

Я выбегаю во двор резиденции, уже успевший погрузиться в темноту, и вижу силуэт парня с логотипом службы доставки.

— Добрый вечер, заказ для мистера Филатова.

— Это я, спасибо.

Даю курьеру чаевые и быстро возвращаюсь обратно, перепрыгивая через две ступеньки, оказываюсь на пороге комнаты Вайолет, где она громко спорит с Сатан и Кларк по поводу волос.

— Они у меня кудрявые! Вы что не понимаете, что косички — это единственный способ их усмирить!

— Вай, у тебя прекрасные волосы, дай им волю быть собой, — уговаривает Нора.

— Это нелепо, я буду выглядеть как клоун!

— Ты будешь выглядеть как секс-бомба! — врываюсь я в их диалог и бросаю на кровать несколько кофров с одеждой.

— Это ещё что такое? — Беннет скептически оглядывает чехлы.

— Твой наряд на вечер. Давай, Джонни, распускай косички и примеряй!

— Я не...

— Он теперь тебя тоже так называет?

Вайолет только зло фыркает, срывает кофры с кровати и уходит в ванную.

Через двадцать минут, которые, конечно, сопровождались пыхтением Беннет о том, что это совсем не её стиль, восхищением Сатан и попытками Норы затянуть как можно туже корсет, Вайолет выходит ко мне с недовольным лицом, но в совершенно новом амплуа. Моя давняя подруга Леви работает стилистом: я скинул ей параметры Вайолет, и она удалённо подобрала гардероб в интернет-магазине.

Учитывая пышные формы и невысокий рост Беннет, Леви предложила удлинённый корсет — он подчеркнёт грудь, обозначит талию и визуально вытянет фигуру, — джинсы клёш и плотную объёмную кожаную куртку красного цвета. От оверсайз-пиджака мы отказались: это бар, Вайолет должна выглядеть сногшибательно, но так, будто и не особенно старалась.

Нам хотелось сохранить нотку бунтарства.

— Не знаю, к чему ты готовилась, но ты готова, — говорю я, поражённый результатом.

— Я чувствую себя рокершей из восьмидесятых, — с недовольством произносит Вайолет, проводя по мелким рыжим кудряшкам, образовавшим пышную причёску, смещённую на один бок.

— Винтаж сейчас в моде.

— Ага, — довольно кивают Ли и Кларк, любуясь подругой.

гой.

Пока мы все втроём не можем наглядеться на результат своей работы и уже мысленно отправляем Вайолет в бар как подопечную типичного реалити-шоу про преобразование, Беннет становится неестественно бледной.

— Меня сейчас вытошнит! — вижу в её глазах панику и молниеносно подсакиваю.

— Только не на корсет!

— Держу волосы!

— Сатан! Неси ведро!

К счастью, никого никуда не вытошнило. Вайолет трясло как осенний лист, она несколько раз попыталась сбежать, придумывая нелепые отмазки, почему не пойдёт в бар, но в итоге мы всё равно оказались в такси, а после — на пороге The Lantern.

— Дамы, вперёд, — я открываю дверь перед девушками.

Нора и Сатан с визгом проскальзывают первыми, а Вайолет мнётся, смотрит по сторонам, будто ищет транспортное средство, в которое можно с лёгкостью вскочить и умчаться отсюда куда подальше.

— Беннет, тебе придётся это сделать, — строго киваю я, продолжая держать дверь открытой.

Рыжая бросает на меня саркастичный взгляд, сообщая, что это плохая идея, затем пытается вобрать в себя как можно больше воздуха и всё же делает шаг навстречу приключе-

ниями.

Сам я от вечера не жду ничего особенного, но играть роль серого кардинала в отношениях заносчивого футболиста и дерзкой тихони — мне безумно нравится.

Мы протискиваемся сквозь толпу, и через несколько столов я замечаю Кайлера и ребят из команды. Машу им, подгоняя девушек.

— Я не пойду! — вдруг выпаливает Беннет, хватаясь за живот.

— Пойдёшь. Прекрати вести себя как Наташа Ростова на первом балу.

— Кто?

— Не пугай меня. Ты что, русскую классику не читала?

Тяну её за руку, пока Сатан и Нора уже преодолевают сопротивление и подбегают к бару сделать заказ.

— Читала. Я просто удивлена, что её читал ты.

Отбивает она, и я довольно улыбаюсь. Шутит — значит, не всё потеряно.

— Привет, ребята! Как дела?

Подхожу к столу и здороваюсь со всеми по очереди.

— Фил!

Мерсер соединяет наши ладони.

— Что пить будешь?

— Думаю, возьму содовую.

— Тебе ещё нет восемнадцати? О, чувак, сходи к косметологу: для своего возраста ты выглядишь как дед.

— Может, ты не знал, но девчонки любят постарше, — отвечаю на подколку и поворачиваюсь к Вайолет: — Правда, Беннет?

— М-м? Что?

Она рассеянно поворачивает ко мне голову, до этого безучастно разглядывала толпу.

— Говорю, девушкам нравятся мужчины постарше.

— Ну, это смотря насколько старше, — пожимает она плечами. — В исследованиях по межличностному выбору обычно отмечают, что предпочтение возрастного разрыва зависит от культуры, социального статуса и экономической самостоятельности женщины. Кроме того, с возрастом меняется сама мотивация выбора: финансовая стабильность перестаёт быть главным фактором, если человек способен обеспечить её себе самостоятельно. Так что утверждение, будто всем женщинам нравятся мужчины постарше, статистически слишком...

— Стоп, малышка, остановись.

Говорю ласково. Слово звучит непривычно, но производит нужный эффект на Кайлера: он так резко ставит бокал с пивом, что, будь тот полным, наверняка расплескался бы по столу.

— Я всего лишь хотел попроситься на комплимент, а ты, как обычно, самоутвердилась на моих мозгах.

— Ну, это было не сложно, — выпаливает Вайолет, но почти сразу думает, что это могло прозвучать обидно.

Однако я смеюсь и испытываю только гордость, что она умеет острить и быть дерзкой, даже когда думает, будто не вписывается в компанию и никто вокруг не воспринимает её всерьёз.

Лео громко ржёт и сочувственно хлопает меня по плечу.

— Беннет, моё почтение! — хохочет Маттео и протягивает Вайолет кулак.

Она после короткой паузы отбивает его своим.

Мерсер лишь слегка улыбается и кивает, будто лучше всех нас знает: при желании Вайолет вполне могла бы стать душой компании. Просто тщательно это скрывает.

— Я подойду к Сатан и Норе, — шепчет она и отходит от нашего стола к соседнему, где весело смеются её подруги.

Кайлер провожает её взглядом, а потом поворачивается ко мне.

— И... как это у вас случилось?

Он старается сохранить невозмутимую интонацию, но выходит не слишком убедительно.

— Что именно?

— Ну, как вы начали вместе... тусоваться?

Последние слова он произносит, почти пряча лицо за бокалом пива.

— Да как-то само вышло. Разговорились и сразу поняли, что у нас много общего.

— Много общего?

— Да.

Нарочно отвечаю уклончиво и не подтверждаю напрямую, что между нами. Оставляю Кайлеру лазейку — возможность всё изменить.

Глава 10. Пьяная и грязная

Ева.

— Раз-два, три-четыре! Подхватил — хлопок — прокрутил — поймал! Ещё раз! Поздно!

Пока Микаэла отрабатывает с Лейси и Адамом поддержку, я разминаюсь, чтобы как следует подготовить мышцы к нагрузке. Сегодня занимаемся в спортзале: погода окончательно испортилась, о тренировках на улице можно забыть.

— Ева, давай попробуем связку с выходом в стойку на руках.

Райан подходит ко мне, разминая правую кисть.

— Уверен, что удержишь?

Поднимаюсь на ноги, оглядывая мощное тело своего партнёра. Уинтер хоть и производит впечатление человека, способного крутить меня одним пальцем, но растяжение связок лучезапястного сустава — не шутки.

— Полностью восстановился. Врач разрешил вернуться к нагрузкам. Тем более если не я, то кто ещё рискнёт встать с тобой в пару?

Будто я настолько невыносима.

— И правда. Самоубийц в нашей команде не наблюдаю.

Вместо того чтобы возмутиться, с гордостью принимаю навешанный на меня ярлык и занимаю исходную позицию. Адам и Микаэла подходят подстраховать нас с обеих сторон.

— Ну что, готова?

— Главное, чтобы ты был готов.

Фыркнув, громко хлопаю в ладоши и начинаю считать:

— И раз, и два...

Пружиню на ногах, ловя общий ритм.

— И три, и четыре...

Райан помогает мне подняться к нему на плечи. Выпрямляюсь, удерживая равновесие.

— И раз...

Наклоняюсь и соединяю ладони с его поднятыми руками.

— И два...

Переносим вес синхронно: Райан принимает нагрузку, а я выхожу в стойку, разводя ноги в стороны.

— И три...

Замираем. Руки слегка дрожат от напряжения, но равновесие удаётся удержать.

— Пробуем на одну? — спрашивает он.

— Давай.

Осторожно смещаю вес на одну руку. Райан сохраняет опору под моей ладонью, и мы размыкаем вторую пару рук.

— И четыре...

Меня ведёт в сторону. Уинтер тут же возвращает вторую руку, а страхующие помогают принять меня при спуске. Приземляюсь на мат и выдыхаю.

— Воу, это было круто! — доносится сбоку голос Лейси.
— Сделаете эту поддержку на игре?

— Не знаю, пока слишком рискованно, — остужаю я запал Барретт. — Нужно ещё отрепетировать.

— Братан, это было кайфово! — Адам подходит к Уинтеру и хлопает его по ладони. — Респект!

— Да, конечно. Это же Райан только что рисковал своим телом, болтаясь вниз головой на высоте нескольких метров.

Комментирую восторги команды, хотя объективно ни в какой похвале не нуждаюсь.

— У тебя и так корона газон царапает, когда ты вниз головой стоишь, — отвечает Микаэла. — Даже с такой высоты достаёт.

— Ну, наконец-то ты признала: кто здесь королева.

Донован передразнивает меня, строя гримасу, и возвращается к тренировке.

Так и проходят все наши репетиции: я пробую сложную поддержку, получаю одобрение команды, выбешиваю их своим высокомерием, но в конечном итоге мы выдаём программу высокого уровня.

Всё работает как часы, даже если ваш капитан — сущий дьявол.

Хотя я бы предпочла «дьяволица».

Звучит?

После тренировки я почти час простояла в душе и ближе к восьми вечера наконец нашла в себе силы заняться волосами.

На кровати вибрирует телефон, смотрю и вижу деловую ухоженную женщину сорока пяти лет.

Ой, это же моя мать, надо же!

Елена Лазурская, как всегда, прямолинейна и сразу переходит к делу, даже если это обычный звонок дочери. Хотя кого мы обманываем? Она не делает обычных звонков. Моя мама — машина. Говорит чётко и ясно, без лишней лирики и соплей.

Другое дело отец. Он может десять минут слушать, как я ругаюсь на сорванную тренировку, а потом спросить, успела ли поужинать. Не пытается немедленно исправить меня или объяснить, как следовало поступить.

Жаль, но нагрузка в клинике и постоянные командировки за океан не позволяют нам созваниваться так часто, как бы мне хотелось, а из-за разницы во времени в основном это обмен базовыми сообщениями вместо долгого разговора по душам.

— Как дела? — без приветствия начинает мама. — Слышала, с тобой теперь учится Филатов.

— Да, заделался в отличники. На первой же проектной работе так себя показал, что Корсаков предложил ему стать соавтором статьи.

— Тебе ведь тоже предложил, мне папа сказал.

— Да. Решила не беспокоить тебя такими мелкими достижениями.

— Ева, любые твои успехи важны для меня. Неставляй

меня бесчувственной мачехой.

— Смешно.

— Ничего смешного. Я, конечно, понимаю: у вас с папой особая связь. Но это потому, что он тебе многое позволяет. А мой подход хотя бы держит тебя в узде. Посмотри, каких высот мы вместе достигли.

— Да-да.

Отмахиваюсь, хотя она меня не видит. Перевожу телефон на громкую связь и начинаю промакивать волосы махровым полотенцем.

— Ладно, перейдём к делу.

Ну кто бы сомневался.

— Зачем он поступил в Эшфорд?

Спрашивает так, будто мы с Филатовым закадычные друзья.

— Откуда я знаю?

— Он явно не просто так выбрал твоё направление. Пытается что-то выяснить?

— Наверное, — незаинтересованно бросаю.

Мне совершенно всё равно, какую игру затеял Филатов. Я просто хочу, чтобы он держался от меня подальше.

— Он о чём-нибудь тебя расспрашивал? Может, ты ещё в симуляции случайно сболтнула лишнего?

— Мама! — взрываюсь. — Ни тогда, ни сейчас я ему ничего не говорила! Всё, что он знает, — это как работает программа VEDA. Ни больше ни меньше.

— Он точно не просто так там появился, не верю я в эти чудесные совпадения, — продолжает давить она.

— Ну, его можно понять. Видимо, хочет таким образом узнать больше о Кире.

— Не позволяй ему.

— Мам, я не понимаю, с чего ты так разволновалась. Да, он не может принять правду. Но это вы решили ему всё рассказать — чего сейчас сокрушаться?

— Это было неизбежно, иначе бы он начал её искать и копать под нас.

— А сейчас не начал? — с усмешкой спрашиваю, потому что с самого начала знала, что план так себе.

— Ева, не разговаривай со мной так. Мы трудимся над общим делом, ты хоть представляешь, какие двери перед нами откроются, когда мы сможем выйти из тени и наконец-то продать этический комитет?

Я закатываю глаза — слышу эти речи о великом будущем каждый день.

— Мы изменим мир и бла-бла, можно я уже пойду?

— Не язви, я же беспокоюсь.

— Я заметила, ты только об этом и говоришь.

— О тебе, — уже тихим голосом, без властного давления добавляет мама. — Он ведь заинтересовался именно Кирой, и она им. Поэтому я очень переживаю за тебя...

— Мам, не стоит. Со мной всё в порядке, их интрижка никак не отразилась на мне.

— Ева.

— Мам, мне пора бежа-а-ть, — стараюсь слиться с разговора как могу.

Мама прощается. Я откидываю телефон в сторону, переворачиваюсь на спину и смотрю в потолок.

Нужно выпить.

Подсказываю с места и открываю шкаф. Сегодня ребята из футбольной команды и пара человек из группы поддержки собирались в бар, думаю, присоединюсь. Может быть, получится отключить мозги и хоть на пару часов почувствовать себя живой.

Вытаскиваю джинсы, высокие сапоги и зелёный кардиган с V-образным вырезом. Раньше я бы вырядилась в платье, которое кокетливо приоткрывало бы бедро, спину или грудь, но сейчас у меня нет никакого желания наряжаться и тем более привлекать к себе внимание.

The Lantern типичный английский бар, низкий потолок, тёмное дерево, ковёр, который помнит несколько поколений выпускников, и полтора десятка эля на кранах, которые никто здесь не заказывает. Ближе к ночи заднюю половину зала превращают в танцпол: гасят половину лампочек, включают что-то с битом и превращают аутентичную пивную в клуб.

У барной стойки замечаю Арчи, активно флиртующего с моими чирлидершами Микой и Лейси. Они смеются, болтают и, заметив меня, сразу приветствуют.

— Ева, отлично выглядишь! — кричит Беллами, салютуя стаканом пива.

— Привет, Арчибальд. А где Лео и Кай? — присаживаясь, машу бармену.

— Ковачу приспичило, а Мерсер вон стоит у музыкального автомата и клеит официантку.

Я поворачиваю голову и вижу Кайлера в позе хищника: уверенно подпирает стойку, приоткрыв часть футболки, под которой при правильном свете можно рассмотреть подтянутый пресс.

На первом курсе я с ним встречалась, но мы быстро поняли, что совсем друг другу не подходим. А потом он переспал с Алисией, а после с Каталиной и ещё десятком девчонок. Одним словом, за милой улыбкой этого красавчика скрывается тот ещё потаскун.

— Ясно, — безразлично кидаю я и забираю свежее пиво, которое только что поставили рядом с Арчи.

— Эй, это было моё!

— Теперь моё, не ной.

— Ты такая грубая.

Я только закатываю глаза и приникаю губами к прохладной жидкости.

Музыка становится громче, ребята из моей группы поддержки активно танцуют в центре зала, трутся друг о друга мокрыми от пота телами. Девчонки исполняют откровенные танцы, выгибаясь и задирая ноги к ушам, парни без стесне-

ния лапают их, оглаживают упругие формы, чуть ли не трахая прямо на танцполе.

И вместо того чтобы их осудить, я скорее им завидую. Аппетиту, свободе, возможности втиснуться в толпу незнакомых мокрых тел и позволить себе быть грязной и развратной, переспать с парнем, которого знаешь меньше часа, просто чтобы спустить пар и наполнить тело горячим оргазмом.

Я хочу вот так танцевать, флиртовать, не чувствуя при этом, что предаю своё сердце. Трахнул бы кто-нибудь, чтобы я наконец забыла обо всём на свете.

В течение часа ребята пытаются вытащить меня на танцпол раз пять, но я каждый раз заказываю новый напиток и отнекиваюсь, демонстрируя им недопитый бокал. К полуночи мой разум затуманился, и сквозь размытую пелену я распознаю силуэт мужчины, которого ненавижу всей своей грёбаной душой.

Влад Филатов явился в компании трёх мышек-норушек: Сатан, Нора и Вайолет. Как в анекдоте, честное слово. Эти зубрилки вечно ходят тройками, а теперь с ними везде таскается и Фил. Выглядит очень странно, нелепо, но, чёрт возьми, ещё и до ужаса мило.

Хотя в Филатове нет ничего милого. Он обладатель такой же опасно-притягательной красоты, как и Мерсер, — выиграл генетическую лотерею по всем пунктам. Хотя не могу утверждать на сто процентов, так как его члена я ещё не видела.

Ещё? ЕЩЁ? Я сказала «ещё не видела»?

Нет, я имела в виду — не знаю, какой у него член, но могу предположить, больше среднего. Да вашу мать, с таким телом можно и с тринадцатью сантиметрами трахаться нормально.

— Вот же чёрт, теперь я думаю о его члене.

— О чьём?

Я резко приподнимаю голову, которую последние пять минут подпирала ладонью, плавно съезжая по ней щекой.

— Не о твоём же, Беллами, — лениво осаживаю любопытство друга.

— О члене Филатова? — не унимается придурок, решивший приклеиться ко мне именно в тот момент, когда разум перестал контролировать мой язык.

— Филатов мне не интересен.

— Ну и хорошо, а то говорят, он с Вайолет встречается.

— С Вайолет? — я с саркастичным смешком смотрю на пьяного Арчи. — Ты что курил, бро?

— Я серьёзно, мне Кай сказал, а ему сам Влад. Да и посмотри на них, стоят... воркуют.

Я меланхолично поворачиваю голову в сторону компании и отмечаю роскошный образ Вайолет. А она, оказывается, секси-штучка, если не прячется за формой и своими дурацкими косичками, будто ей до сих пор четырнадцать.

Она стоит с подругами и нервно теребит ремешок кожаной куртки, пока Фил развлекает Нору и Сатан, которые без

умолку хихикают и пытаются развеселить бедную Беннет, что словно статуя застыла в новом образе.

— Боже мой, они такие странные, — сонной интонацией выдыхаю я, совершенно не понимая, что их держит вместе и о чём можно так активно болтать.

Я залипаю на их компанию просто потому, что мне лень поворачивать голову и смотреть на других людей. И это не остаётся без внимания Филатова: будто почувствовав моё внимание, оборачивается.

Упс. Ну, прятать глаза уже поздно, поэтому я с абсолютным покерфейсом поднимаю свой бокал с виски и колою и отправляю остатки в рот. Это уже пятый или седьмой коктейль, и только после того, как стекло соприкасается с деревянной поверхностью стойки, я понимаю, что накидалась в дрова.

Запрокидываю голову, закрываю глаза, и в моём сознании всплывает лицо Кита, его обаятельная улыбка и слова, которые он сказал при первой встрече.

«У-у, детка, большие я тебе не наливаю, потому что планирую пригласить тебя на свидание, и мне нужно, чтобы ты помнила, как на него согласилась».

— Я всегда буду помнить, — произношу я в потолок, как клятву, и в глазах мгновенно становится больно.

— Привет, красотка, чего грустишь?

Мне приходится вернуть голову в исходное положение и сфокусировать взгляд на стоящем рядом парне.

— Похоже, что я грущу?

— Да. Не танцуешь. А я слежу за тобой с начала вечера, такая загадочная, люблю таких...

По одежде, манере общения и возрасту я понимаю, что он не из университета. Красотой не блещет, но вполне подходит для быстрого перепихона.

Отвратительно. Нет, не с ним.

— М? — кокетливо мычу, приподняв бровь. — А что ещё тебе нравится?

Как низко пали великие. Застрелите меня, если я всерьёз решусь с ним переспать.

— Танцевать. Пойдём?

Я не танцую.

— Пойдём! — Вкладываю руку и позволяю вытащить меня в это месиво из тел и пота.

Мы начинаем двигаться: он странно, я безучастно. Он начинает меня лапать, а я — делать вид, что не против. Одно касание, второе, его дыхание, сдобренное хорошим объёмом дешёвого пива, липкая рука на бедре.

Нет. Нет, я не могу. Не так. Да и вообще никак.

Убираю его руку с бедра и делаю шаг, но он притягивает меня за талию обратно.

— Куда убегаешь, красотка?

— Перехотелось танцевать, — безразлично сообщаю и снова пытаюсь вырваться.

— Тогда, может, найдём место потише?

— Давай, ищи! — ещё одна попытка уйти.

— Без тебя мне будет скучно.

— Слушай, отвали. — Я хватаю его за пальцы, впивающиеся в мой живот, и пытаюсь силой их оттянуть.

— Меня заводят дерзкие.

— Это не игра, придурок! — Я сильнее вцепляюсь в его пальцы, оттаскиваю, извиваюсь, но всё тщетно: он подключает вторую руку и блокирует меня, словно закутав в кокон.

— Такая горячая! — кусает за шею, и меня начинает мутить от его прикосновения.

— Фу, убери от меня свой мерзкий язык! — Я как гусеница, которая уже окуклилась, но никак не выпорхнет в образе бабочки.

— Она сказала — отпустить!

Спокойный, но громкий голос Филатова заставляет ублюдка ослабить хватку, а потом одна его рука лёгким движением выворачивается так, что мудака всего перекручивает и ставит на колени.

Я оказываюсь на свободе и, переведя дыхание, оборачиваюсь, чтобы оценить картину, где мой хренов спаситель разыгрывает дешёвую сцену из кино про тестостеронового самца.

— Сам уйдёшь или придать ускорение? — уточняет Филатов над ухом упыря.

— Fuck off.

— Понял. — Влад коротко бьёт его под дых и, вытерев

руку о его же одежду, поворачивается ко мне.

— Вау, — с плохой игрой произношу я. — Мачо в деле.

Сарказм — моё второе имя, если вы не знали.

— Все девчонки твои, красавчик. — Пьяно хлопаю его по плечу и отворачиваюсь.

Ублюдка, к слову, подняли с пола другие парни и усадили за стол, после чего он теряет ко мне всякий интерес.

— Достаточно было бы простого «спасибо» вместо рекламной кампании, — бросает мне в спину Фил, а я показываю ему средний палец, не поворачиваясь и продолжая двигаться обратно к бару.

Он мне помог, но я никогда не скажу ему спасибо. Ни за что на свете. Даже если он спасёт миллион детей от голодной смерти, построит триллион церквей и посвятит всю жизнь благотворительности.

Завалившись на свой стул, запускаю руки в волосы и понимаю, что последний бокал был точно лишним. Или ещё три бокала до него...

Сейчас-то что причитать?

Поднимаю глаза и вижу недопитое пиво Арчи. Пальцы сами собой касаются холодного стакана, но сильная рука с дорогими часами резко припечатывает мою кисть к липкой столешнице.

— Тебе хватит!

— Филатов, я тебя нянькой не нанимала!

— Я не буду стоять и смотреть, как ты замешиваешь ёрш

в своём желудке.

— Так не смотри-и! — тяну я, а Влад в это время тянет меня из-за стола и, подхватив за талию, ведёт к выходу.

— Филатов, отвали, сказала! — В своей голове я произношу это приказной и яростной интонацией, но на деле получается очень вяло и неуверенно. — Я могу сама о себе позаботиться! — Ещё одна попытка отвязаться от придурка, но все силы уходят на то, чтобы устоять на ногах, пока Влад снимает мою верхнюю одежду с вешалки.

— Позаботишься, как только окажешься в кампусе. — Накидывает на меня плащ и вытягивает на улицу.

— Не нужна мне твоя... — со всей силы отталкиваю его, когда мы выходим на крыльцо, и беспрепятственно лечу в мягкую грязь.

Шмяк.

Ладно. Я недооценила опорно-двигательную функцию, которую вместо меня последние пять минут выполняло тело Филатова.

— ...помощь, — тихо заканчиваю предложение, продолжая лежать одной щекой в вязкой каше из песка и дождевой воды.

— Оно и видно. — Филатов спускается по лестнице и присаживается возле меня на корточки. — Сама встанешь или помочь?

— Сама.

Упрямо строю из себя независимую, кое-как встаю на чет-

вереньки, но стоит попробовать выпрямиться, как меня снова ведёт. Слава богу, этот король самоконтроля молча подхватывает меня и ведёт к такси.

В салоне Влад бережно вытирает мою щёку и предлагает бутылку воды. Чем ближе мы к кампусу, тем мутнее мои воспоминания. Помню размытую дождём дорожку у входа, которая, кажется, пыталась сожрать мои ноги как зыбучий песок. Огромные, нет, просто километровые ступеньки крыльца резиденции — они всегда были такими высокими? Дверь, ворчание Фила, прохладная постель и что-то там про вечность.

Глава 11. Больно жить

Фил.

В такси Еву окончательно развезло. Если до машины она ещё кое-как шла, то после — натурально висла на мне, и мне периодически приходилось её нести. Вкатившись в её комнату, я стянул с нас куртки и хотел уложить Лазурскую на кровать, но её вырвало прямо на меня. Пришлось снять верх и остаться в одних джинсах. Еву я умыл, стянул грязную одежду и уложил в кровать в трусах и майке.

Надеюсь, утром она не обвинит меня в харассменте. Я уже не знаю, чего ждать от этой сумасшедшей.

Пока нависаю над ней, поправляя подушку, в ней вдруг просыпается похотливая кошка.

— М-м... знакомая татуировка. — Она обдаёт меня заплывшим взглядом и проводит пальцем по тату на моей груди. — Что означает?

— Не знаю, по пьяни набил.

— Да? У меня тоже есть. — Ева вскидывает левую руку и показывает мне запястье.

Я сразу узнаю небольшие азиатские символы, которые тянутся вдоль вены. Именно они были на спине Киры. От меня не ускользает ирония, я словно заново проживаю один и тот же момент в жизни, но с небольшими корректировками: мы не на острове, и передо мной не Кира, а её сестра.

Думаю, Лазерная наврала мне, когда сказала, что тоже набила тату по пьяни. Наверняка это их общий сестринский секрет.

— Что она означает? — спрашиваю и нежно веду по коже большим пальцем.

— Живи сейчас, даже если впереди целая вечность, — произносит Ева ровным тоном, даже с лёгкой усмешкой в голосе, будто презирает это высказывание.

— Получается?

— Не вижу смысла, — фыркает она и приподнимается, чтобы удобнее устроить голову на подушке. — Сейчас очень больно жить. Я бы предпочла не мучиться ещё целую вечность.

Пока я пытаюсь осмыслить её слова, она сворачивается калачиком в мою сторону так, что оказывается у меня подмышкой. Я смотрю в потолок, лёжа рядом на спине, и чувствую едва осязаемое касание у рёбер.

— Ты красивый, — тихо бубнит Лазурская, ведя указательным пальцем по моей коже. — Даже бесит, насколько.

Не шевелюсь. Затаив дыхание, жду, что будет дальше. Я не могу разобраться, что творится в голове трезвой Евы, а в пьяной так и подавно. Она натурально трогает меня, соблазнительно ведёт вдоль пресса и останавливается у края джинс.

И мне это, чёрт вас подери, нравится.

Да кого я обманываю — меня это не на шутку заводит.

То ли из-за опасности, что в любое мгновение она может очнуться и всадить колено мне прямо в пах, то ли от того, что уже год ни с кем не трахался. А если учесть, что на острове всё происходило только у меня в голове, то ещё дольше.

— Я понимаю Киру, — задумчиво признаётся она и, подвинувшись ещё ближе, приникает к моей груди.

Прикосновение горячих губ полностью парализует тело — словно пуля или клеймо, настолько горячо и неожиданно, что я теряюсь и не знаю, как реагировать. В отличие от кое-кого другого, кто активно ищет способ выпрямиться под плотной тканью джинс.

— Ты заводишь даже когда ведёшь себя как мудак, — шепчет она в кожу. В голосе сквозит страдание и одновременно мучительная тяга, с которой она пытается

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.